

12+

Валерия Верлицкая
ПОЕЗД-ФАНТОМ

Валерия Верлицкая

Поезд-фантом

«Автор»

2007

Верлицкая В. В.

Поезд-фантом / В. В. Верлицкая — «Автор», 2007

Действие романа происходит в наши дни. Молодой бизнесмен опаздывает на очень важную деловую встречу. Волею судьбы он оказывается заброшенным в незнакомом месте. Перед ним стоит только одна задача – скорее добраться до города. Он спешит на станцию. Если он успеет на единственный проходящий сегодня в этих глухих местах поезд, то у него будет шанс сорвать крупный куш. Ему удастся купить билет на поезд. Оказывается, что попасть в этот поезд гораздо легче, чем из него выбраться... Герой знакомится с девочкой, которая, не смотря на свой юный возраст, потрясает его своими рассуждениями. Находясь на этом поезде и общаясь с девочкой, его посещает мысль, что раньше он слишком переоценивал роль материальных благ в своей жизни. В процессе их знакомства он узнает, что девочке грозит опасность... Остаться в живых и возвратиться назад удастся не всем... Но это еще не является окончанием романа. Читателя ждет непредсказуемый финал...

© Верлицкая В. В., 2007

© Автор, 2007

Я бежал по полю, выбиваясь из сил. Трава была мокрой от росы и, то и дело, хлестала меня по ногам. Казалось, что этому полю не будет конца. Но я упорно преодолевал метр за метром, не обращая внимания на то, что мои ноги постоянно запутывались в этой высокой, еще нескошенной траве. Иногда я спотыкался и падал, но внутренний голос тут – же заставлял меня подняться и бежать дальше еще быстрее. На небе во – всю светило солнце и слепило меня всякий раз, когда я пытался приподнять вверх голову. На пути мне изредка встречались одинокие невысокие деревья. По – моему, это были березы. Да, точно, березы. Их тонкие белые стволы были очень отчетливо видны среди свежей июньской зелени. Примечая самое отдаленное от себя дерево, я ставил себе цель добежать до него, а потом, поравнявшись с ним, я примечал для себя следующее дерево, к которому устремлялся с новой силой. Так мне было легче преодолевать мой нелегкий путь. Кроме того, это хоть как – то разнообразило мой монотонный бег и помогало мне немного отвлечься от угнетающих мыслей и успокоиться. Я бежал так быстро, что моя рубашка была уже совершенно мокрой от пота. А брюки, не смотря на то, что я их закатал, почти полностью раскатались обратно и были по колено мокрыми от росы. Перед собой я видел лишь линию горизонта и знал, что когда – нибудь этому полю придет конец, и я, наконец – то доберусь до того места, куда я так спешу. Силы постепенно оставляли меня. Я чувствовал, что просто бешено устал. Больше всего на свете мне хотелось сейчас упасть лицом в траву и лежать так, не двигаясь, пока силы вновь не вернулись бы ко мне. Хотя нет, больше всего мне хотелось сейчас поскорее добежать до линии горизонта. Добраться поскорее до станции. Вот чего я хотел больше всего на свете в эти минуты. Мои ноги уже стали заплетаться. Казалось, что я вот – вот упаду. Но откуда – то у меня находились силы бежать вперед. И я продолжал бежать к линии горизонта. Потом, чтобы не думать об усталости, я принялся про себя считать свои шаги. Один, два, три, четыре...

По началу, это, действительно, немного помогло мне, но, досчитав до двух тысяч пяти или шести, я, вдруг, понял, что силы окончательно оставили меня и рухнул в мокрую траву. Я прижался грудью к земле. Сердце билось так сильно, что казалось, что от его биения сотрясается и земля. Немного переведя дух, я оттолкнулся рукой и перевернулся на спину.

– Хорошо! Боже мой, как же хорошо было бы успеть на поезд! – думал я и смотрел на небо.

Солнце ярко светило. Но высокая трава, не давала ему ослепить меня. Она заботливо прикрывала мои глаза. Небо было ярко – голубого цвета и такое безоблачное. Чтобы расслабиться, я решил на мгновение представилось, что я снова стал маленьким ребенком и просто дурачусь, с родителями на очередном пикнике, по устройству которых, им не было равных. Они так любили меня, что всякий раз придумывали что – нибудь оригинальное, чтобы доставить мне удовольствие. Тогда, я принимал это, как должное, даже не задумываясь над тем, каких трудов им это стоило. Благодаря устраиваемым ими костюмированным сценкам из различных произведений классиков, я рано пристрастился к чтению. А то, что я к своим десяти годам бегло мог общаться на трех языках, не что иное, как плоды каждодневных занятий с моей матушкой. Не смотря на то, что я постоянно был занят делом, о детстве у меня остались самые радостные воспоминания. Я до сих пор считаю то пору самой безмятежной в моей жизни. К горлу даже подступил комок, когда я вспомнил про свое счастливое детство.

Я слишком переусердствовал с воспоминаниями, а сейчас мне были совсем ни к чему эти сентиментальности. Я отогнал от себя все мысли о детстве и попытался приподняться, чтобы достать из кармана брюк мобильный телефон. Я еле смог найти в себе силы, чтобы оторвать свое тело от земли. Превозмогая усталость, я начал искать телефон по своим карманам, но его нигде не было. Видимо я обронил его во время бега.

«Как же я так оплошал!» – подумал я, но спустя короткое время, успокоился, вспомнив, что он был уже почти разряжен и сейчас бы уж точно полностью разрядился, а, следовательно,

использовать по назначению, я его не смог бы. Меня немного расстроило то, что телефон мой стоил совсем не дешево, но, сейчас это не имело абсолютно никакого значения. Сейчас, мне нужно было поскорее попасть на место, а деньги – дело наживное.

«Мелочи жизни» – сказал я сам себе, – «куплю снова, какие проблемы, сейчас, мне остается одно – бежать дальше, и делать это, как можно быстрее?»

Я решил попробовать встать, но сделав несколько усилий, понял, что из этой затеи ничего не выходит. Ноги были как ватные и совсем меня не слушались. Я снова опустился на траву и разрыдался, совсем как ребенок. Я еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным как сейчас. У меня первый раз за все это время, мелькнула мысль, что я могу сегодня вообще не добраться до станции. Это меня окончательно расстроило, и я совсем отчаялся. Вокруг меня слегка шумела трава. Я опустил в нее голову, прислонившись ухом к самой земле. Вдруг, я услышал нечто, напоминающее тихий гудок поезда. Я подумал, что мне это показалось, но через некоторое время, до меня снова донесся гудок. Теперь я слышал его так отчетливо, что у меня почти не осталось сомнений, что станция совсем близко. Я стал прислушиваться, и, совсем скоро, до меня донесся еле слышный стук колес. Я приложил ухо к земле и замер. Действительно, это был звук приближающегося поезда, который окончательно дал мне понять, что станция совсем близко. Это означало, что я почти добрался. Почти! Станция была не более, чем в паре километров от меня. Хотя, сейчас, я совсем не обращал на это «почти» никакого внимания. Я был просто счастлив. Хотя я лежал на траве абсолютно весь мокрый от росы и совсем беспомощный от усталости, но я был на – столько рад, что улыбка, невольно, не сходила с моего лица. Я поднял голову и взглянул на часы. Они показывали, что у меня в запасе еще есть время, ведь человек, который указал мне дорогу к станции, сказал, что поезд отходит ровно в полдень. Только сегодня я смог оценить всю полезность того, что они были водонепроницаемыми. Когда я их покупал, на это качество, мое внимание было обращено в последнюю очередь. Главное, что интересовало меня тогда, так это их презентабельный внешний вид и престижность марки. Поэтому я и выложил за них, не задумываясь довольно приличную сумму. На те деньги, что я заплатил за них, можно было приобрести новенькую иномарку, причем, не из самых простеньких. Вот уж никогда не подумал бы, что окажусь в ситуации, что именно их водонепроницаемость окажется для меня самым существенным качеством, да еще при таком стечении обстоятельств, как сейчас. Я положил голову на траву и устремил свой взгляд к небу. Было слышно, как поют птицы. А где – то совсем рядом в траве стрекотали кузнечики. Я повернул голову и увидел, как над травой порхают бабочки. Это были «капустницы» с ярко желтыми крыльями. Вдруг, совсем рядом с моим лицом пролетела стрекоза. Ее прозрачные крылья переливались всеми цветами радуги. Я, залюбовавшись, повернул голову в другую сторону, чтобы проводить ее взглядом. Она, видимо почувствовав это, вернулась назад и пролетела надо мной еще раз. Теперь мне показалось, что ее крылья переливались, то синим, то фиолетовым, то бирюзовым цветом. Сегодня, со мной, явно, было не все в порядке, ведь последний раз, когда я мог позволить себе полюбоваться красотой стрекоз и бабочек, был много лет назад, когда я был ребенком. Я удивлялся сам себе, и не мог поверить, что меня может увлечь подобная ерунда, как шелест травы и порхание мотыльков. Снова на меня нахлынули воспоминания из детства. Но теперь я уже не стал их гнать от себя, а напротив, расслабился и полностью предался им на какое – то время. Спустя несколько минут, я почувствовал прилив сил и решил, что должен сделать последний рывок и покончить с этим «почти». Я встал, снял с себя рубаху и пошел дальше. Теперь я мог позволить себе передвигаться пешком и больше не бежать. Но все равно, уже по – привычке, я старался идти как можно быстрее. Я постоянно ловил себя на мысли, что я все еще боюсь опоздать, поэтому, то и дело поглядывал на часы, которые шли теперь, как мне казалось, совсем медленно. Это лишний раз говорило о том, что мои переживания напрасны, но я уже снова перешел на бег, и теперь меня было уже не остановить. Я уже не обращал внимания ни на встречающиеся мне на пути березы, ни на

линию горизонта. Я просто бежал вперед на звук проходящих поездов и стук колес, который с каждой минутой, становился все громче и громче. И это все больше и больше подбадривало меня. Я совсем не чувствовал усталости. Казалось, что я и не проделывал вовсе всего этого изнурительного пути. Мне было легко и хорошо.

Совсем скоро, я увидел невысокое здание, возле которого стояло несколько человек. Это означало, что я, наконец – то добрался до станции. Я надел свою мокрую рубаху и раскатал штанины. Вид у меня был сейчас не самый лучший, но деваться было некуда, ведь другой одежды у меня не было. Мне, вдруг пришла в голову мысль о том, что если бы меня увидели сейчас мои партнеры по бизнесу, то были бы очень удивлены моим внешним видом. Я невольно усмехнулся. Они вряд ли могли бы себе представить меня разгуливающим по улице в таком виде, да чего уж там говорить о партнерах. Я и сам – то, по правде сказать, никогда не думал, что буду выглядеть как нищий. Самый настоящий нищий, я ведь остался без денег, без кредиток, без документов... Улыбка сама собой исчезла с моего лица при этих мыслях. Я пошарил рукой в кармане брюк, и, надо же такому случиться, там оказалось несколько сторублевых купюр. Скорее всего, это были деньги, которые я получил в качестве сдачи при покупке чего – то. Если бы я не нашел этих денег, тогда бы продал свои швейцарские дорожные часы. Поэтому, особенно я им не обрадовался, хотя, с другой стороны, часы я смог бы продать совсем за бесценок. Хотя, по большому счету, для меня сейчас и это не имело никакого значения. На билет бы мне все равно хватило вырученных средств. А часы, скорее всего, мне придется так и так продать, хотя бы для того, чтобы купить себе хоть какую – то одежду и перекусить. Так я рассуждал, подходя к станции. Когда я подошел к невысокому зданию, то сразу увидел окошко с надписью «касса». Я направился напрямик к нему. Я заглянул в окошко. Там было пусто. Я подождал с минуту, немного отдышался, а потом решил постучать в него. Не успел я стукнуть и пару раз, как из окошка вылезла кудрявая голова кассирши неопределенного возраста с густо накрашенными ресницами. Я думал, что эта голова сейчас начнет мне хамить, но... я ошибся. Голова улыбнулась и очень любезно спросила у меня:

– Вам билетик?

– Один, пожалуйста, – немного растерявшись от ее неожиданного появления, ответил я.

Голова скрылась снова в кассе и через мгновение уже протянула мне билет со словами:

– С вас шестьсот рублей.

Я опешил. Она не спросила у меня, ни куда я хочу ехать, ни в какое время, просто дала мне билет. Я достал деньги и пересчитал их. Странное совпадение! У меня оказалось как раз шестьсот рублей. Ни больше, не меньше. Я протянул их кассирше и спросил:

– Но вы не спросили у меня, на какой поезд мне нужен билет?

– О, не переживайте, я дала вам билет именно на тот поезд, который вам нужен, – сказала кассирша, похлопав своей шершавой ладонью по моей руке.

– Но откуда вы знаете, – не унимался я.

– Знаю, – перебила она меня, все так же дружелюбно улыбаясь, – знаю, вы хотите доехать до города, верно?

– Верно, – согласился я.

– Ваш поезд прибывает через минуту, – продолжала она, – он стоит здесь всего пять минут, поэтому, вам следует поторопиться с посадкой.

Тут я услышал гудок прибывающего поезда. На самом деле, по времени, это был именно тот поезд, на который я так торопился. Но вот то, как об этом догадалась она, для меня осталось загадкой. Меня вконец одолело любопытство, и я снова спросил ее:

– А как вы догадались, что мне нужно именно на этот поезд?

– Здесь проходит вообще только один поезд, – ответила любезная кассирша.

– Странно, – сказал я.

– Ничего странного, не удивляйтесь, молодой человек, просто это очень тихое место.

– Да уж, действительно, – согласился я после того, как, оглядевшись по сторонам, не увидел больше ни одного человека, – но я отчетливо слышал стук колес, когда подходил к станции.

– О, это вам показалось, – спокойно отвечала она.

– Но, я уверен, что слышал! – возмутился я.

– Вам показалось, – снова, абсолютно невозмутимо, ответила кассирша и улыбнулась мне.

– Вы думаете, что у бродяги, стоящего перед вами, не все в порядке с головой? – сказал я ей, имея в виду себя.

– Ну, что вы, господин, какой же вы бродяга? – спросила удивленно она.

Вместо ответа, я опустил глаза, осматривая свою одежду.

– Ну! Это ни о чем не говорит! – заявила она, осмотрев вслед за мной мою одежду.

Я вопросительно посмотрел на нее, а она продолжала:

– А вот с головой, только не сердитесь, у вас, действительно, есть небольшие проблемы, – сказала она и скрылась в своем окне.

Если бы на ее лице не было дружелюбной улыбки, я бы решил, что она издевается надо мной. Я был совсем измучен и не стал вступать с ней в спор по поводу своей головы. Я, просто, снова наклонился к окошку и спросил:

– Вы уверены, что здесь проходит только один поезд?

– Абсолютно, – сказала женщина и добавила, – вам показалось, что вы слышите стук колес и гудок поезда.

– Я вам про гудок ничего не говорил! Как вы догадались?!

– Знаю, что не говорили. Все очень просто, люди иногда так сильно хотят чего – то, что им начинает казаться, что это происходит на самом деле. Вот так и с вами произошло. Вы так сильно хотели услышать гудок поезда и стук колес, что в конечном итоге, он вам и послышался.

Хотя я был уверен в том, что мне ничего не послышалось, я не стал с ней спорить, так как усталость, просто валила меня с ног.

– Может быть, вы подскажете мне, где я могу продать свои часы? – немного погодя, я снова обратился к женщине.

– Здесь часы у вас никто не купит, это точно, поэтому вам не стоит даже и тратить на это время.

– Вот дела, – подумал я про себя, а потом снова спросил у кассирши:

– Может быть, здесь есть какой – нибудь ломбард?

– Какой здесь может быть ломбард. Место здесь тихое. Людей можно встретить не часто. Нет здесь никакого ломбарда. Мне очень жаль.

– А на какой путь прибывает поезд?

– На первый, конечно же, на первый.

– Почему «конечно же», – любопытно спросил я, понимая, что уже изрядно надоел кассирше своими вопросами.

– У нас других нет, здесь вообще только один путь, – не смотря на мою назойливость, спокойно отвечала кассирша, – поторопитесь, стоянка поезда всего пять минут.

Я посмотрел на железнодорожное полотно и обомлел. Моему взору предстала всего одна пара рельсов, которая возникла из неоткуда и уходила в никуда. Мне было совершенно не понятно, как же такое возможно, ведь, рельсов, как минимум, должно быть две пары. Не может же поезд идти только в одну сторону, он же должен и возвращаться. Меня в конец одолело любопытство, поэтому я снова нагнулся к окошку, чтобы в очередной раз пристать к кассирше с очередным вопросом. Но, каково же было мое удивление, когда, в окне я никого не увидел, там было совершенно пусто. Я начал стучать, но на мой стук, никто не отзывался.

Вдруг, я увидел прямо перед собой прибывающий поезд. Мне нужно было торопиться, ведь стоянка поезда была всего пять минут, как сказала кассирша, а мне еще предстояло найти свой вагон. Я взглянул на билет, который она мне продала, и увидел, что мне нужен шестой вагон. Я поспешил к поезду. Прямо передо мной остановился вагон, как раз, с номером «шесть». Из него вышел проводник и сразу уставился в мою сторону. Я подумал, что ему не понравился мой внешний вид, ведь я был похож на бомжа после этой изнурительной пробежки, и, разумеется, ему вряд ли хотелось бы, чтобы мое место оказалось именно в его вагоне. Так я объяснял по – началу причину его повышенного внимания к своей неприглядной персоне. Но, присмотревшись к проводнику внимательнее, я понял, что ошибся. Его глазки были слегка прищурены из – за того, что он широко улыбался. Вообще, этот проводник, тоже показался мне не совсем обычным, по – тому, что он, как и та исчезнувшая кассирша, был подозрительно дружелюбен. Я подошел к нему и, поздоровавшись, протянул билет.

Он, продолжая улыбаться, ответил:

– Добрый день, молодой человек, добро пожаловать, – он слегка наклонился и показал рукой на вход в вагон.

Я снова попытался передать ему свой билет, он кивнул мне головой, но билет не взял.

– Ваше место номер шесть, – сказал он мне вслед.

Мне снова показалось это странным, откуда он знает, что мое место номер «шесть», если он не взял у меня билет. Я молча стал продвигаться вперед по вагону. Но, взглянув на табличку с номерами мест, висевшую на двери первого купе, сразу остановился. Почему – то шестое место находилось в первом купе. Я подумал, что это ошибка, но дверь купе была открыта, и я заглянул внутрь. Действительно, напротив нижней полки я увидел табличку с цифрой «шесть». Я взглянул на держащий в своей руке билет. Однако, ничего особенного там написано не было, кроме того, что мое место, действительно, оказалось шестым, впрочем, после слов проводника, я в этом мало сомневался. Похоже, что здесь, в этом тихом местечке были какие – то ясновидящие люди, которые все про всех знали. Все это было ужасно странно. Возможно, все это казалось мне таким странным еще и от дикой усталости, которая стала абсолютно невыносимой. Я подумал, что именно из – за нее у меня и разыгралось такое болезненное воображение, поэтому, первым делом, мне следовало бы немного поспать.

Поезд тронулся. Оказалось, что попутчиков у меня нет. Я был один в купе. Я подумал, что так оно даже лучше. Никто не помешает мне выспаться. Да и не надо чувствовать себя дискомфортно из – за моего совершенно неприглядного внешнего вида. Я отодвинул шторку и выглянул в окно.

На станции совсем не было народа. С этого поезда совершенно никто не сошел. Более того, я был единственным пассажиром, совершившим посадку на этой станции. Поезд медленно отъезжал, оставляя позади невысокое здание с окошком, над которым было написано слово «касса». Это слово было написано не очень крупными буквами, но я смотрел на него и мог прочесть еще довольно долго, пока поезд, наконец, совсем не покинул станции. Я взглянул на часы, они показывали, что сейчас ровно полдень. Это означало, что всего через каких – то пять – шесть часов, я буду уже там, куда я так спешу. Теперь же, мне было уже все равно ничего не изменить. Я уже итак сделал почти невозможное, успев сесть на этот единственный проходящий поезд. Поэтому сейчас, я вполне мог позволить себе, немного расслабиться. Я откинулся на подушку и заложил руки за голову. Меня одолевало чувство голода, но моя усталость была еще сильнее. Я решил, что ничего страшного не случится, если я потерплю без еды эти несколько часов. Да, к тому же, другого выхода у меня и не было. Кто же будет кормить меня без денег? Хотя, все мои мысли были сейчас о борще, который невероятно вкусно готовила моя мама.

«Вот бы сейчас ее борща!» – подумал я.

Я уже почти заснул, когда услышал стук в дверь. Это был проводник. Я решил, что он пришел, чтобы забрать у меня билет. Но я снова ошибся.

– Как вы расположились, все ли нормально? – спросил он.

– Да, все в порядке, – сказал я, – вот только, странно, почему – то шестое место оказалось в первом купе. Или, может быть, я ошибся?

– Нет, нет, вы не ошиблись, вы заняли свое место, не беспокойтесь, скажите мне лучше, вам обед принести сейчас или немного позднее?

– Я не голоден, спасибо, – ответил я, конечно же, слукавив.

– Обед входит в стоимость вашего билета, – сказал проводник, видимо поняв это.

– Входит в стоимость? – переспросил я.

– Да, – ответил проводник, – поэтому я непременно, должен принести вам обед, вот только хотел узнать у вас, когда именно мне следует это сделать.

– А больше ничего не входит в стоимость моего билета? – поинтересовался я.

Проводник лишь улыбнулся мне в ответ и ничего не ответил. Тут мне снова пришла в голову мысль о том, что сейчас, действительно, было бы, неплохо перекусить. Тем более, что обед, по словам проводника, уже входит в стоимость моего билета.

– По правде сказать, я бы не отказался сейчас от обеда, если, он, действительно, входит в стоимость проезда, – сказал я проводнику.

– Замечательно, – ответил тот, – я принесу вам обед прямо сейчас.

Проводник скрылся за дверью моего купе, снова, так и не проверив мой билет.

«Странная забывчивость для проводника», – подумал я про себя, – «хотя, скорее всего, это никакая не забывчивость, может быть, просто здесь люди привыкли доверять друг другу, и он боится обидеть меня своим недоверием».

Так я размышлял, пока проводник вновь не появился на пороге моего купе и не принес мне обед. Он поставил на стол поднос, на котором было несколько тарелок и пара стаканов. Мое купе сразу же наполнилось невероятно вкусным запахом, по которому я догадался, что на первое здесь потчуют сегодня борщом.

Проводник пожелал мне приятного аппетита и вышел, сказав, что чуть позже он зайдет ко мне и заберет посуду.

Я сделал глоток из наполненного стакана, который стоял на подносе. Его содержимым оказался компот. Он был в меру сладкий и очень даже приятный на вкус. Второй стакан был наполнен кипятком, а рядом на блюдечке лежали два пакетика с чаем, кусочки сахара и половинка дольки лимона. Один из пакетиков был с черным чаем, другой – с зеленым. Хотя дома я всегда пил зеленый чай, здесь, почему – то моя рука сама потянулась к пакету с черным чаем, уж очень мне захотелось сейчас, именно черного чая. Я опустил пакетик в стакан с кипятком, бросил несколько кусочков сахара и половинку дольки лимона. Кипяток стал постепенно приобретать красивый коньячный оттенок. Я отодвинул стакан с чаем, а сам приступил к процессу ознакомления с яствами, которые мне были принесены проводником. В качестве холодной закуски мне был предложен морковный салат с изюмом, именно такой, какой я очень любил съесть за обедом дома. Через мгновение передо мной уже стояла первая пустая тарелка.

На первое, действительно, был горячий борщ, посыпанный свежей зеленью. Ну, об этом блюде можно говорить бесконечно, борщ удался сегодня на славу. Я не очень часто ел дома супы, но когда речь заходит о борще, то устоять от того, чтобы его не отведать, я уже просто не мог. Такого борща, как у моей мамы, я больше нигде не едал. Я никак не ожидал, что в этом поезде мне будет предложен почти такой – же вкусный борщ, как когда – то в доме моих родителей. По правде сказать, если бы я закрыл глаза и представил себе, что нахожусь у них в гостях, то вкус этого борща вполне поспособствовал бы мне в этом. Почему – то в последнее время, я особенно часто стал вспоминать о своих родителях. Но самое интересное то, что со временем, у меня при этих мыслях все чаще и чаще щемило сердце. Нельзя сказать, что я был

плохим сыном, но, тем, не менее, я очень мало времени уделял им. Я всегда был слишком занят своим бизнесом, поэтому времени, ни на что другое у меня почти не остается. Что уж там говорить, у меня даже до сих пор не хватило времени на то, чтобы завести свою собственную семью, а ведь мне уже тридцать три года. Возраст Христа. А значит, как мне кажется, я должен был уже что – то из себя представлять в этой жизни. Мне всегда с легкостью, по крайней мере, до сегодняшнего дня, удавалось решать достаточно не простые вопросы, имеющие отношение к моему бизнесу. Я, несомненно, много работал, но и отдача была вполне приемлемой. Я всего в этой жизни добился сам. Этому то и научили меня мои родители. Они сделали все возможное, чтобы дать мне хорошее образование. Низкий им за это поклон. Будучи людьми не очень богатыми, они очень серьезно относились к моему образованию и никогда не жалели на него денег. В конце концов, я окончил один из самых престижных университетов. Это стоило моим родителям совсем не дешево, но они доучили меня до самого конца. Однажды у них было совсем туго с деньгами, какие – то проблемы, связанные с работой, они не распространялись особо по этому поводу. Вообще, все свои проблемы они делили только друг с другом, не посвящая в них кого – либо из близких. В том числе и меня. Так вот, у них тогда и мысли не возникло о том, чтобы приостановить мое обучение. Просто мама спросила меня, не возражаю ли я против того, что они с папой продадут квартиру или свой загородный дом. Я тогда не понимал, в чем дело, мне было все равно, по тому, что в голове у меня были только девчонки и все такое. Да и жил я в Лондоне, где и учился, а к ним приезжал только на каникулы. Поэтому какая мне разница, я подумал, что они все равно не смогут одновременно жить и в доме и в квартире, поэтому вопрос мамы у меня не вызвал никакого подозрения. Лишь только год спустя, когда в их делах все уладилось, они с гордостью объявили мне, что им удалось сохранить и дом и квартиру. Только тогда до меня дошло, что у них были проблемы. Сейчас, повзрослев, я очень хорошо понимаю, на какие им приходилось идти жертвы ради того, чтобы дать мне это образование. Я никогда не говорил им о своей благодарности за это, но в душе я был всегда им благодарен очень – очень, и они знали это. Такие они были люди. Да, к сожалению, были. Они ушли в мир иной два года назад. Они были очень счастливы друг с другом, прожили вместе много лет, и оставили этот мир в один день. Это случилось, когда они возвращались из очередной своей поездки из Лондона. Они часто туда летали. Им там очень нравилось проводить время, поэтому они выбирались туда всякий раз, когда у них появлялась такая возможность. Они вообще очень любили путешествовать, и были очень легки на подъем. Они должны были вернуться на неделю позже, но у отца внезапно заболело сердце, поэтому они торопились с возвращением, чтобы показаться специалистам уже дома. Отец решительно отказался обследоваться в Лондоне, хотя мы с мамой предлагали поступить ему именно так. В общем, они поменяли билеты и ... больше я их никогда не увидел. Они должны были прилететь ночью, поэтому я знал, что звонить и беспокоить меня в позднее время, они не будут. И об этой страшной авиакатастрофе я узнал уже из новостей только утром. Сейчас я все чаще жалел о том, что вообще очень многого не говорил им вслух, хотя это стоило делать. Честно говоря, я очень долго боялся заводить семью и детей по одной простой причине, я не уверен, что смогу пойти на такие жертвы ради своего ребенка, на какие шли мои родители, отказывая себе во многом. Да и потом, я не верю, что мне повезет в любви также, как и им, поэтому – то и отодвигаю от себя момент разочарования как можно дальше.

Борщ я уже доел, а сентиментальные мысли о родителях, навеянные им еще остались. Что же там на второе? Уж не пюре ли с котлетами? Я открыл крышку, которой была накрыта тарелка со вторым блюдом, и вдохнул запах ароматных котлет и посыпанного зеленью пюре. Здесь, похоже, действительно, все ясновидящие. Даже с меню угодили. Надо же такому случиться. Хотя чему я удивляюсь, мои вкусовые пристрастия достаточно обыденны. Ведь мои любимые блюда являются самыми, что ни на есть распространенными, поэтому, в том, что мне удалось их здесь отведать нет ничего особенного. Другое дело, что они пришлись мне очень

по вкусу. До сего дня я и подумать не мог, что в поездах могут так хорошо готовить. Если бы я открыл свой ресторан, то с удовольствием взял бы к себе главным на работу здешнего повара. А может быть, я просто был слишком уставшим и голодным. Поэтому мне все и казалось таким вкусным. Одно я решил точно, посоветовать одному своему другу – успешному ресторатору, посетить мастер – класс здешнего повара. Вот уж он обхохочется.

Я закончил с обедом и снова выглянул в окно. Там мелькали деревья. Светило солнце. Небо было голубым и безоблачным. Зелень была еще совсем свежая, поэтому и цвет ее был ярко – зеленым. Красиво. Было очень красиво за окном. Потом я посмотрел вниз и увидел, что рядом до сих пор нет второй пары рельсов. А что будет, если пойдет встречный поезд? Как же такое возможно. Мне снова стало немного не по себе. Ничего подобного я раньше не встречал.

Раздался стук в дверь. Это снова был проводник. Он пришел за грязной посудой. Его визит был очень кстати, подумав, что он сможет мне объяснить отсутствие второй пары рельсов. Я поблагодарил его за прекрасный обед и спросил:

– Скажите, а почему нет второй пары рельсов? Как же такое может быть, ведь навстречу должны тоже двигаться поезда?

– О, вовсе нет, никто навстречу нам не движется, не волнуйтесь. Мы здесь совершенно одни.

– В нескольких часах езды от города? Совсем одни? Есть же расписание движения поездов и все такое, он не может быть один. Так не бывает, – недоумевал я.

– Ничего удивительного. Это такой специальный поезд, вне расписания, как бы запасной, – объяснял проводник. Он один ходит то туда, то обратно, ему никто не попадает навстречу. Для него нет временных рамок.

– Что за странный поезд – фантом? – не переставал удивляться я, – вне времени и вне расписания.

– Вы попали прямо в точку, – рассмеялся проводник и немного снял этим самым мое напряжение.

«Чего это я прицепился к нему. Может быть, действительно, ничего странного в этом и нет», – подумал я, – «ведь последний раз на поезде я ехал лет десять назад, мало ли что могло измениться за это время. Вполне может быть, что это экспериментальный маршрут. Нет, я, точно, слишком устал, надо выспаться, а там посмотрим».

Проводник между тем собрал посуду и направился к выходу.

– Спасибо, – еще раз сказал я ему, – было очень вкусно, у вас очень хороший повар, такой, мог бы, запросто, работать и у Президента.

Проводник обернулся и улыбнулся мне.

– Бери выше! Это, действительно, самый лучший из всех поваров мира! – воскликнул он и скрылся за дверью купе.

Я снова усмехнулся ему в ответ и откинулся на подушку. По привычке, я снова заложил руки за голову и уставился в потолок. В воздухе все еще витал запах ароматных котлет. Я был сыт и доволен. Мне почти полностью удалось восстановить силы, но глаза мои постепенно закрывались. Этому способствовал убаюкивающий стук колес. Я встал и запер дверь, а потом задернул занавески, чтобы в купе стало почти темно. Вот, теперь, действительно стало совсем хорошо и комфортно. А через несколько минут я уже и сам не заметил, как заснул крепким сном.

Не знаю, долго ли я спал, но проснулся я от того, что сильно замерз. На дворе стояло лето, но в моем купе почему – то было настолько холодно, что при моем дыхании даже шел пар. Хотя было достаточно темно, но я почему – то видел этот пар, всякий раз, когда выдыхал воздух. Я протер глаза и привстал, чтобы приоткрыть занавески.

– Не надо, сынок, – остановил меня чей – то негромкий голос.

Я не понял, кто это говорит, ведь в купе я ехал один и никто ко мне не мог зайти, так как дверь я запер. Я посмотрел напротив и с трудом сумел разобрать в полумраке фигуру сидящего человека.

– Не открывай занавесок, я сильно обгорела, поэтому не очень хорошо выгляжу сейчас, не хочу, чтобы ты увидел меня в таком виде, – продолжал голос.

Этот голос принадлежал женщине и был настолько мне знаком, что сердце в моей груди сжалось, и на глазах выступили слезы.

– Мама? – прошептал я.

– Да, сынок, это я, – отвечал голос, – тебе понравился борщ, прямо как раньше дома, да?

– Да, – повторил я.

– Ты всегда его любил, и котлетки...

– Да, здесь все было очень вкусно, действительно, как у тебя! – воскликнул радостно я, но тут же осекся, – но.. но ты ведь погибла, мама? Как ты можешь говорить со мной?..

– Но это не мешает мне любить тебя, – продолжал голос, – поэтому я и решила сделать для тебя хотя бы то, что в моих силах.

Я сидел в полумраке и ровным счетом ничего не понимал, что со мной происходит. Мне было невыносимо холодно. Вдруг в моей голове мелькнула жуткая мысль.

– Мама, я что, тоже умер? – спросил я, подготавливая себя к самому страшному ответу.

– Нет, нет, сынок.

– Тогда почему я тебя вижу?

Она не отвечала. Я только почувствовал, как ее ледяная рука дотронулась до моей головы. Тогда я повторил свой вопрос.

– Возможно, что именно сейчас я могу понадобиться тебе.

Я потянулся к своей голове, чтобы снова прикоснуться к ее руке, но что – то горячее капнуло мне на руку. Я вздрогнул. Это была кровь.

– Откуда у меня кровь?! – спросил я.

– Не бойся, – сказала мама, – теперь все будет в порядке.

– Я поранился, когда бежал, чтобы успеть на этот поезд, – сказал я, сообразив, в чем дело, – надо же, я и не заметил.

Я понял, что имела в виду кассирша, говоря о моей голове. Правда, сейчас меня совсем не интересовала эта ссадина. Мне было любопытно, почему мама одна. Они были так неразлучны с отцом, что мне показалось это очень странным.

Почему ты без отца? – у меня как – то само – собой вырвался этот вопрос.

– Отец передает тебе привет, он тоже очень хотел тебя видеть, но мы решили, что сначала я одна повигаюсь с тобой, чтобы подготовить тебя.

– К чему? – недоумевал я.

– Он не хотел пугать тебя. Он боялся, что ты не послушаешь и откроешь занавески.

Я молчал и вопросительно смотрел в сторону сидящей напротив маминой фигуры, а она продолжала:

– Дело в том, что он обгорел при авиакатастрофе гораздо сильнее, потому, что накрыл собой меня. Когда самолет рухнул, мы были еще живы, просто мы почти не могли двигаться и поэтому не сумели выбраться из – под горящих обломков самолета. Твой отец настоящий герой, и он, как и я, очень любит тебя, знай это, сынок.

– Я всегда знал это, мама и никогда не сомневался. Я тоже очень люблю вас и скучаю по вам. Я хотел сказать, что очень сожалею, что так мало уделял времени вам из – за своего бизнеса. Мне вас очень не хватает, мама, – я встал и хотел обнять ее, но мои руки пронзили пустоту, и мамин силуэт исчез.

– Мама! – закричал я что было сил и в тот же миг мои глаза открылись. Оказывается, что я проснулся только сейчас и моя встреча с мамой мне приснилась. Мое сердце билось так

сильно, что казалось, что оно вот – вот выскочит из груди. Мне, действительно, было холодно, вероятно это все еще сказывалась усталость. Я приложил ладонь ко лбу, проверяя, не горячий ли он и нет ли у меня жара. Уж совсем не хотелось мне сейчас заболеть. Лоб был холодным и немного мокрым от пота.

«Не может быть, чтобы это был сон», – подумал я, ведь все было так естественно.

Я протянул руку к тому месту, где сидела в моем сне мама, но там, действительно никого не было. Я протер глаза и открыл занавески.

Мое купе снова наполнилось солнечным светом. За окном, по – прежнему, мелькали зеленые деревья. И по – прежнему, поезд двигался по одной единственной паре рельсов. Но почему – то меня это больше совсем не удивляло. Я все еще находился под впечатлением от своего сна. Я взглянул на часы. Вот досада! Они остановились и в самый не подходящий момент. Я так устал, что забыл их завести. Они показывали двенадцать часов, как и прежде. Я решил, что было бы хорошо, узнать у проводника, который сейчас час, а заодно, скоро ли мы приедем. С этой целью я вышел из своего купе.

Постучав в дверь к проводнику, которая находилась рядом с моим купе, я выждал небольшую паузу в надежде, что мне ответят. Было тихо, я приоткрыл дверь, но внутри было пусто. Я подумал, что проводник вышел и находится сейчас в чьем – нибудь купе. Я отошел от двери и хотел было отправиться на свое место, как мое внимание привлекла табличка, висевшая на втором купе, которое соседствовало с моим. На ней было указано тоже место с номером «шесть», как и у меня. Я потряс головой, пытаюсь сосредоточиться.

«Чертовщина какая – то, получается, что я еду не на своем месте?» – подумал я, потом снова взглянул на табличку, висевшую на моем купе. Эти таблички были полностью одинаковые, я сначала не обратил внимания, но на каждой из них была написана четыре раза одна и та же цифра «шесть». Я подумал, что могу позволить себе открыть дверь этого купе, раз уж шестое место находится и здесь тоже. Я постучал. Мне никто не отвечал. Я потянул за ручку и дверь открылась. Внутри было совершенно пусто. Полки были аккуратно заправлены красными покрывалами, занавески были открыты. На столе лежала красная скатерть, на которой стоял маленький букетик цветов. Все выглядело в точности так же, как и в моем купе. Я посмотрел на таблички, на которых были указаны места, и моему взору четыре раза предстала цифра «шесть». Я вернулся в свое купе и посмотрел на те же самые таблички с указанием номера места. Действительно, я мог занять совершенно любое место, так как и тут тоже были одни шестые места. Я бросился к следующему купе. Там было то же самое. На двери висела точно такая – же табличка, а внутри все четыре места были под шестым номером. Я бежал по вагону и открывал, уже не стучась, каждую дверь, предварительно смотря на табличку, висевшую на двери купе, где неизменно видел четыре шестерки. Совсем скоро я добежал до последнего купе и обнаружил, что в этом вагоне все места являются шестыми, а я единственным пассажиром. Я сел на нижнюю полку в последнем купе и подумал, что такого быть просто не может. Одно из двух, или я схожу с ума или это мне снова снится. Я ущипнул себя за руку и тут же почувствовал боль. Это означало, что я не сплю.

«Значит первое», – с тревогой подумал я, но, тут же, возразил себе, – «нет, когда люди сходят с ума, они не думают, что это с ними происходит. Что же это тогда такое творится вокруг?»

Я вышел из последнего купе и неторопливо стал возвращаться на свое место. По пути я закрывал дверь каждого купе, толкая ее с силой своей рукой, пока, не был слышен характерный щелчок. Только после чего, я брался за дверную ручку следующего купе. Не заходя к себе, я снова заглянул к проводнику, но там, по – прежнему, было пусто. Я осторожно зашел внутрь и осмотрелся. Странно, но никаких признаков существования здесь проводника я не обнаружил. Полки были аккуратно заправлены и совсем не помяты. Скатерть, которая лежала на столике,

была совершенно свежей и лежала так ровно, как будто ее только что постелили. Не увидел я и каких – либо вещей, которые могли бы принадлежать проводнику. Словом, никаких признаков присутствия в этом вагоне еще кого-либо кроме меня, просто не было. Но я решил вернуться в свое купе и немного подождать появления пропавшего проводника. Ведь он – то уж точно должен быть в этом вагоне. Не спрыгнул же он на ходу с этого поезда. На психа, он, вроде бы, похож не был. Я провел рукой по своему лицу и обнаружил легкую щетину. Потом, я снова посмотрел на свою одежду и усмехнулся, по тому, что если уж кто и был похож здесь на психа, так это скорее я, чем он. Я сел на свое место и стал смотреть в окно. Было еще достаточно светло, но чувствовалось, что день близится к концу.

«Как долго мы уже едем?» – подумал я.

Который сейчас час, узнать я не мог, поэтому должен был делать только приблизительные расчеты о моем пребывании в этом поезде. Мне казалось, что мы должны уже, по крайней мере, подъезжать к нужному мне месту. Я снова посмотрел в окно. Там все также мелькали зеленые деревья. За все время моего следования, я ни разу не увидел никаких признаков цивилизации. Постоянно мелькали эти деревья и только. А ведь мы должны находиться сейчас совсем рядом с мегаполисом.

«Нет, такого точно не может быть», – окончательно решил я.

Мне не оставалось ничего другого, как попытаться перейти в следующий вагон, потому, что все мои ожидания возвращения проводника оказались тщетны. Я снова прошел по всему вагону и, перед выходом в тамбур, заглянул в туалет. Надо отметить, что там было очень чисто, все просто блестело. Вообще, как ни странно, во всем этом вагоне чистота была просто идеальная, в том числе и в тамбуре, двери которого я уже открыл, чтобы перейти в следующий вагон. Единственное, что было сейчас невыносимым, так это изнурительная летняя жара. Я посмотрел вниз и увидел, как подо мной быстро мелькают шпалы. Здесь была слишком шумно из –за сильного стука колес. Зато, здесь, благодаря ветру, было не так жарко. Я подумал, что было бы лучше, если бы сейчас была зима. Пот катился с меня ручьем. Я постоял здесь еще немного, спасаясь от жары, а потом, поспешил открыть дверь, которая вела в следующий вагон.

«Что же, посмотрим, что там дальше», – сказал я сам себе и, сделал шаг вперед.

Не успел я захлопнуть за собой дверь, как сразу же почувствовал запах табачного дыма. Сам я давно бросил курить, но неприязнь к этому запаху у меня оставалась еще долго. Надо отметить, что сейчас, впервые, я с удовольствием вдыхал этот запах, по тому, что он подтверждал наличие здесь людей, по которым я уже успел соскучиться за время моего путешествия. На этот раз мои предположения подтвердились, и я прямо перед собой увидел фигуру высокого человека. Это был мужчина лет сорока пяти в длинной серой шинели, на которой не было погон. Было очень жарко, но он не снимал шинели. Его темно русые волосы были небрежно зачесаны назад, а брови сдвинуты к переносице. Он смотрел в окно, поэтому его серо – зеленые глаза были устремлены куда – то вдаль. В руке мужчина держал папиросу, от которой струился вверх легкий дымок, наполняя тамбур этим характерным запахом. Было видно, что мужчина о чем – то задумался, но при виде меня, он перевел на меня свой пронзительный взгляд и протянул портсигар, предлагая мне без слов угоститься его папиросой.

– Спасибо, я не курю, – ответил я ему.

Он, молча, сунул в свой карман портсигар и снова устремил взгляд в окно. Я немного постоял рядом, а потом решил справиться у него относительно времени.

– Извините, – обратился я к нему, – вы не знаете, который сейчас час?

Мужчина снова перевел на меня свой взгляд и пожал плечами:

– Не знаю, а какая разница? – ответил он.

Если бы на его лице не мелькнула легкая улыбка, то я бы решил, что он мне просто грубит, по тому, что я отвлекаю его от его размышлений.

– Мне кажется, – продолжал я, – что мы уже скоро должны подъехать к городу.

– Может быть, может быть, – задумчиво отвечал мужчина, покачивая головой, снова устремив свой взгляд в окно.

Я решил, что будет лучше, если я оставлю его в покое, возможно, у человека какие – то проблемы и он не расположен сейчас отвечать на мои вопросы. Я хотел пройти дальше, но мужчина, вдруг, снял свою шинель и протянул ее мне со словами:

– Возьми мою шинель.

– Спасибо, – ответил я, изрядно удивившись его предложению, – мне не нужно, оставьте себе.

– Зачем мне шинель летом? – спросил мужчина, усмехаясь.

– А мне зачем? – непонимающе спросил его я.

Он снова усмехнулся, но что – то в его поведении говорило о том, что это, вовсе, не его ушмешка надо мной. Он настойчиво продолжал держать шинель в вытянутой в мою сторону руке. Казалось, что он искренне хочет мне помочь. Сам не знаю почему, но я, все – таки, протянул руку и взял его шинель.

– Вот так – то лучше, – сказал он мне и направился в тот вагон, из которого я только что вышел.

– Там никого нет, – сказал я ему.

– Я знаю, я знаю, – отвечал он мне, слегка улыбаясь.

Я, совершенно ничего не понимая, молча, провожал его взглядом, пока он не скрылся за дверью. Я прижал к себе его шинель, и почувствовал, что от нее сильно пахло табачным дымом.

Вдруг, в тамбур вбежал какой – то человек с сумасшедшими глазами. Светлые волосы на его маленькой головке были взъерошены, а светло – голубые глаза были вытаращены на меня. Он метался по тамбуру и постоянно повторял одно и то же:

– Где выход? Где здесь выход, а? Я хочу выйти! Где здесь выход?!

Я усмехнулся, глядя на него, и подумал:

«Вот больной, этот, уж точно, псих!»

Между тем блондин продолжал метаться по тамбуру и искать выход. Он наткнулся то на одну, то на другую дверь, но, как будто не видя их, шаркался из стороны в сторону. Наконец, он, поймав мой удивленный взгляд, обратился ко мне:

– Вы не подумайте, я не сумасшедший. Я сначала думал, что я сошел с ума, но тогда бы я об этом вовсе не думал, – бормотал он.

– Успокойтесь, ничего я не думаю, – ответил я ему и отвернулся.

Но тут он вцепился в мою шинель и стал отбирать ее у меня со словами:

– Отдайте мне вашу шинель, я сильно замерз!

– Лето на дворе, – ответил я и отдернул шинель, почему – то принципиально решив не отдавать ее сумасшедшему блондину.

– Какое лето?! – досадовал тот. Потом он махнул на меня рукой и снова скрылся за дверью, из которой появился.

Я выглянул в окно. Но за окном вместо привычной зелени я увидел сплошное белое полотно, напоминающее снег. Я опешил. Мне было трудно поверить своим глазам, и я приоткрыл окно. На меня тут же дунул холодный ветер, и я почувствовал по – настоящему зимнюю прохладу. Тут я уже окончательно перестал что – либо понимать.

«Надо идти до конца и не терять присутствия духа», – успокаивал я сам себя. Потом я снова ущипнул себя за руку, чтобы проверить, не сон ли это, но острая боль, снова свидетельствовала о том, что все это происходит на самом деле. Мне ничего не оставалось, как идти дальше. Я накинул на плечи шинель, чтобы соответствовать внезапно наступившему времени года и пошел дальше. В этом вагоне было, действительно, довольно таки холодно, так, что шинель мне оказалась очень кстати. Я постучал в дверь проводника. На этот стук мне никто не открыл дверь, зато из соседнего купе высунулась чья – то голова, которая заговорила со мной:

– Нет там никого, не стучи без толку.

– А где проводник? – спросил я.

– Нет здесь никакого проводника, ты чего не видишь, что здесь даже не топят.

– Да уж, вижу, – ответил я, вдыхая холодный воздух.

– Может быть, вы знаете который сейчас час? – спросил я у головы.

– Да вы что? Зачем мне это знать? Мне уже давно нет совершенно никакого дела до времени, да и да всего прочего – фыркнула голова.

– Но послушайте, уважаемый, – не сдавался я, – может быть, ваши соседи знают который сейчас час?

– Какие соседи, ты что того, – он посмотрел на меня и покрутил у своего виска указательным пальцем.

Я не нашел, что ему на это ответить. Голова еще немного потарасилась на меня и скрылась в своем купе.

«Еще один придурок», – подумал я и пошел дальше.

В этом вагоне на дверях купе вообще не было никаких табличек с указанием номеров мест. Но после всего произошедшего, это меня уже совершенно не удивляло. Я повернул голову направо и снова выглянул в окно, которое находилось со стороны прохода. За окном все было белым бело. Чувствовалось, что постепенно темнеет, а значит, мы уже давно должны быть на месте.

«О чем это я», – с усмешкой сказал я сам себе, – «неужели ты еще не понял, что здесь происходит что – то мистическое». Странно, как я мог еще шутить над этим. Ведь именно в это время я должен был быть на очень важной деловой встрече, куда, я, собственно, так и торопился. Невыносимая досада охватила меня. Получается, что я зря так торопился и проделал весь этот путь. Самым ужасным было то, что из – за этой дикой спешки, я попал на этот мистический поезд – фантом. Чувство досады перемешались во мне с чувством тревоги. Ведь на самом деле, мне, ко всему прочему, было просто жутко от всего происходящего, поэтому и единственным, что меня могло хоть как – то подбодрить, был юмор. Хотя, хватало такого ободрения совсем ненадолго. Относительно своих деловых переговоров, я решил, что попытаюсь исправить ситуацию утром. Возможно, у меня еще был один маленький шанс не прошляпить это дело. С этой мыслью, я снова сделал очередной шаг вперед.

Я постучал в купе, которое следовало за тем, из которого со мной разговаривала высунувшаяся голова, в надежде, что здесь мне удастся встретить кого –нибудь еще не окончательно свихнувшегося. На мой стук отозвался хриплый мужской голос, который пригласил меня войти. Я открыл дверь, и моему взору предстала следующая картина. Вокруг стола сидели три человека, они были не бритые, их волосы, длинными космами, беспорядочно торчали в разные стороны. Все, как один, были одеты в майки и спортивные брюки. Причем их майки, имели грязно – серый цвет, было видно, что эти люди давно не мылись. Несмотря на мороз, который стоял в этом вагоне, по ним нельзя было сказать, что они испытывают дискомфорт по этому поводу. По всему было видно, что они нашли самый лучший способ согреться, так как по всему их купе были разбросаны пустые бутылки из – под водки, а на столе стояла совершенно полная бутылка с надписью «Водка Столичная». Здесь просто омерзительно пахло перегаром и потом, но я, разумеется, не показал вида, что мне это неприятно.

– Присоединяйся к нам, – махнул мне рукой один из них, – мы как раз только начинаем новую бутылку.

Я обратил внимание, что на столе кроме водки совсем ничего нет.

– Спасибо, – ответил я, – как –нибудь в другой раз, а вот если бы вы мне подсказали какой сейчас час, я был бы вам очень признателен.

Их очень рассмешил мой ответ. Я же не понял, что я сказал такого смешного.

– В другой раз, – повторил, смеясь приглашавший меня присоединиться, – ты так уверен, что будет этот второй раз, – он махнул на меня рукой, – ты новенький и еще не понял, что здесь глупо следить за временем, – продолжал он смеяться, – мы вне времени, дружище, мы вообще не понятно где, нас нет.

– То есть как вне времени? – недоумевал я.

– Очень просто, вот на твоей руке часы, а ты спрашиваешь нас о времени, знаю, знаю, сейчас ты скажешь, что твои часы внезапно остановились, ты думаешь, что это произошло случайно, у всех нас было все точно также, все часы останавливаются, как только их владелец переступает порог этого поезда.

Он залпом выпил рюмку водки, занюхав ее своей голой рукой.

– Хорошо! – пробормотал он и снова повернулся ко мне, – здесь тоже можно жить, правда первое время очень хочется есть, но потом и к этому можно привыкнуть.

– Здесь не кормят, – спросил я.

– Бог его знает, – ответил он, – честно говоря, для нас самое главное, чтобы была она, – мужчина указал на стоящую на столе бутылку водки, – а закуска, это не столь важно. Мы не хотим гневить бога, требуя еще и закуски, боясь, что, вдруг, тогда у нас перестанет водиться она, – он снова указал мне на бутылку и потупил взгляд.

– Сколько же вы уже едете? – спросил я.

Они снова расхохотались.

– Кто же это знает, говорю же тебе, мы вне времени, расслабься и садись за стол, ты все равно ничего не изменишь, а так, хоть удовольствие получишь, – он протянул мне налитую до краев рюмку водки.

Я покачал головой, отказываясь от предложенного, и сказал:

– Ответьте мне только на один вопрос, откуда у вас столько водки.

– Мы сами не знаем, каждое утро она появляется сама – собой у нас на столе. Вроде бы вечером мы допили все что было, а на утро, у нас снова полон стол.

– Спасибо, – сказал я, подумав, что здесь едут одни сумасшедшие, и поспешил выйти вон.

Не успел я захлопнуть дверь купе, как меня чуть не сбил с ног блондин с безумными голубыми глазами, который до сих пор бегал по вагону и искал выход. Он схватил меня за плечи и стал трясти, крича при этом:

– Где выход? Ты знаешь. Покажи мне, где выход? Я хочу сойти с этого поезда! Выпустите меня отсюда!

Я отстранил его от себя, и он снова побежал по вагону.

Остановившись у двери следующего купе, я невольно задумался над тем, что же меня ждет на этот раз. В принципе, я был готов уже почти ко всему. Но то, что я увидел, зайдя в него, превосходило все мои ожидания. В этом купе было совершенно необычное месторасположение мебели. Вернее сказать, из мебели здесь вообще была только одна огромная кровать с балдахином, которая стояла посередине и занимала почти полностью все купе. Кровать была обита бархатной тканью василькового цвета. Постельное белье совпадало точь в точь с цветом обивки. Даже цвет занавесок в этом купе был ярко васильковый. Посередине кровати, укрывшись простыней, лежала симпатичная девушка. Ее рыжие вьющиеся волосы были разбросаны по подушке. На ее лице был не вульгарный, но достаточно броский макияж. Цвет ее рыже – каштановых волос очень эффектно смотрелся на фоне ярко – василькового цвета. Она посмотрела на меня в упор своими зелено – карими глазами, потом слегка улыбнулась и, отбросив простынь в сторону, произнесла сладким голосом:

– Не хочешь присоединиться, я помогу тебе согреться.

У нее была прекрасная фигура и ухоженное тело. Это я смог сразу оценить. Хотя, соглашаться на ее предложение, я не торопился. Я бы не сказал, что ей была присуща некоторая вульгарность, но, что – то меня в ней настораживало. Вид у этой дамы был совсем не потас-

канный, а совсем напротив, вполне ухоженный, что никак не соответствовало ее поведению. Кроме того, она принадлежала именно к тому типу женщин, которые, как правило, пользовались у мужчин повышенным успехом. И если бы я встретился с ней не при этих странных обстоятельствах, то, возможно бы...

При этой мысли, я снова «вернулся на землю» и отбросил в сторону пришедшие ко мне сладострастные мысли.

– Спасибо за приглашение, – последовал мой ответ, который говорил скорее об отказе принять это приглашение.

После моих слов, дама откинулась назад на подушку и залилась звонким смехом. Я стоял в недоумении, глядя на нее. Через несколько секунд, она успокоилась и снова, приподнявшись и посмотрев на меня, спросила:

– Так что, на счет присоединиться?

Я подошел к кровати и, немного небрежно накрыв даму простыней, сказал:

– Здесь, действительно, не жарко.

Дама немного насупилась, она явно не ожидала от меня подобного пренебрежения, но я быстро исправил ситуацию, сняв с себя шинель, которой заботливо укрыл ее. Она снова улыбнулась мне и быстро закуталась в мою шинель, предложив мне присесть.

– А вы как сюда попали? – спросил я ее, присев на ее кровать.

Она сверкнула на меня своими глазами, которые сейчас показались мне ярко – зелеными, и спокойно ответила, уже совершенно не кокетничая:

– Точно так же, как и все... купила билет и села на этот поезд.

– И давно это произошло?

– Сегодня ровно неделя, как я здесь.

Я обрадовался тому, что здесь есть хоть один разумный человек, который может точно сказать, сколько времени он здесь находится.

– Ваши часы не остановились, как у всех?! – торжествовал я.

– Увы, к сожалению, это не так, – отвечала рыжеволосая девушка.

– Тогда, как вы определили, что находитесь здесь неделю? – немного расстроившись, спросил я ее.

– Я каждое утро делаю отметины на своей кровати.

Она отодвинула подушку, и я увидел на спинке кровати несколько слабо видимых маленьких линий. Она снова бросила подушку на место.

– Давайте искать отсюда выход вместе, – предложил я, чем очень развеселил девушку.

– А зачем? Мне и здесь совсем не плохо! – хохотала она.

– Ну что вы тут будете делать? – не понимал я.

– Как что? – смеялась она, – что и делала до этого!

– И что же? – спросил я, поднимаясь с ее кровати.

– Я наслаждаюсь здесь жизнью и получаю удовольствие, разве вы не видите?

– В таком месте? – продолжал я.

– Место, к сожалению, нам с вами выбирать не приходится, – немного обиженно произнесла она, – вы ведь тоже сейчас находитесь здесь же, так получается и разница между нами лишь в том, что я получаю удовольствие, а вы – нет.

Я задумался над тем, что она мне сказала и ответил:

– Может быть вы и правы.

Девушка, по всей видимости, обрадованная моим сомнением, поднялась с кровати и все так же будучи укутанной шинелью, подошла ко мне и, заглянув в глаза, спросила:

– Да, и потом, с чего вы взяли, что отсюда есть вообще выход? Не упрямитесь, оставайтесь здесь со мной.

– Мне пора, ответил я ей.

– Ну, как знаете, – ответила она и протянула мне назад, сняв с себя, мою шинель.

– Это лишнее, – сказал я, – оставьте себе.

– Берите, – спокойно отвечала она, – берите, не геройствуйте, – вам она пригодится, раз вы решили искать выход.

– Может быть, все – таки, вы передумаете и составите мне компанию в моих поисках, – снова спросил я ее.

– Нет, нет, я останусь здесь, – настаивала она.

– Но почему? – досадовал я.

– По тому, что я боюсь выходить отсюда, – отвечала она вздохнув.

– Чего же вы боитесь? Я постараюсь защитить вас, обещаю вам, – уговаривал я ее.

– Нет, этот страх сильнее моего желания выйти.

– Что же это за страх?

– Если я выйду отсюда, то..., то я умру.

– С чего вы это взяли?

– Я знаю. Да и потом, я не знаю, что я буду делать, если выйду отсюда?

– Жить! Нормально жить, – продолжал я.

Она накинула шинель мне на плечи и снова пристально посмотрела в глаза.

– Что значит нормально? – спросила она у меня.

Я задумался. Она смотрела на меня и молчала. В конце концов, я так и не нашел, что ей ответить. Я просто обнял ее на прощанье и хотел открыть дверь, чтобы выйти. Вдруг, какая – то сила остановила меня и я, обернувшись, сказал ей:

– Я постараюсь найти выход, и если у меня это получится, то я вернусь за вами.

– Вы знаете, ровно неделю назад, я совсем не хотела жить. Моя жизнь была так пуста, что совершенно была мне безразлична. Я признаюсь вам, что я уже несколько раз хотела покончить с собой до того, как села на этот поезд, да все никак не решалась. Но сейчас все изменилось. Вы понимаете меня?

– Пытаюсь, – признался я, – я обязательно вернусь за вами. И, если вы передумаете, то возьму вас с собой.

Я сказал это от чистого сердца, и, видимо, мои слова произвели на нее впечатление. Она попросила меня, чтобы я задержался на секундочку и, приложив руку к своим волосам, достала из них заколку, которая напоминала длинную острую спицу. Дама протянула мне ее и сказала:

– Этим я делала отметины на своей кровати каждое утро.

– Я не возьму, – стал сопротивляться я, – к тому же, как же вы тогда будете считать дни?

– Мне это больше ни к чему, – очень спокойно отвечала девушка.

– Нет, нет, – возражал я, – да и потом, я тоже не собираюсь делать подобные отметины, мне их делать, как видите, просто негде, – пытался я перевести все на юмор.

Но девушка, вдруг неожиданно, очень решительно ответила мне:

– Я говорю, берите! И точка! Так надо! Все! Прочь! Прочь! Прочь!

С этими словами она, почти силой выставила меня из своего купе, и я снова очутился в вагонном коридоре. В моей руке была ее заколка, а на плечах накинута шинель. Я убрал заколку в карман шинели и направился дальше по коридору.

«Сейчас снова будет пробежать этот голубоглазый псих» – подумал я.

Но, как ни странно, коридор был совершенно пуст. В нем было совсем тихо и по – прежнему холодно. Я выглянул в окно. Там было совсем темно. Всмотревшись в эту темноту, я смог разобрать, что кругом лежали снега. Я снова ущипнул себя за руку, и снова почувствовал боль.

«Понятно», – сказал я сам себе, – «значит, это все же не сон».

Я уже снова успел проголодаться. И это было очень странным, так как никогда раньше, в моменты сильных переживаний, я не мог заставить себя проглотить и кусочка пищи. Это всегда вызывало беспокойство у близких мне людей, привыкших к тому, что, как правило, я очень

любил вкусно поесть, потому, что всякий раз, когда у меня случались крупные неприятности, которых, кстати сказать, было немало в моем бизнесе, я начинал сильно худеть. Однажды, я даже чуть не угодил из – за этого в больницу, но, слава богу, все обошлось. Опять же, благодаря маминому борщу, против которого устоять, было почти невозможно. Мама знала, как я его люблю и всячески пыталась меня заставить поесть, но тогда, мне не хотелось даже моего любимого борща, просто, мне стало очень жалко моих родителей, и я вынужден был сделать над собой усилие, чтобы успокоить их.

Сейчас же, у меня проснулся, просто зверский аппетит. Это даже немного пугало меня, ведь с такой реакцией моего организма на стресс, я столкнулся впервые в жизни. Я решил, что несколько глотков воды помогут мне хотя бы на время утолить чувство голода и направился в начало вагона к крану с водой. На кипяток я, конечно же, не рассчитывал, зная, что здесь никто не топит, а вот в том, что с холодной водой мне здесь повезет больше, я был просто уверен. Возле емкости с водой, я увидел железную кружку, которая представляла из себя, просто таки, музейный экспонат, так как была, по моим представлениям ровесницей Великой Отечественной войны. Я повернул кран, и струя ледяной воды со звоном коснулась дна этого раритета. Я сделал несколько глотков. Вода была просто ледяная. У меня даже свело челюсти от холода. Я хотел было поставить кружку на место, но, вдруг, случайно, увидел на ней какую – то надпись, которая меня почему – то заинтересовала. Я поднес кружку к своим глазам, чтобы рассмотреть эту надпись, которая была сделана вручную, да к тому же еще так мелко, что прочесть ее было почти невозможно. Всмотревшись в нее, я с трудом разобрал следующее: «19 ноября 1942 год. Начало наступления». Я быстренько прикинул в голове, что бы это могло значить, и сообразил, что эта кружка, действительно времен второй мировой войны. Дата, указанная на ней выпадала на период Сталинградской битвы. Я, к своему стыду, не особенно хорошо знал историю, но о таких важных событиях, как Сталинградская битва, разумеется, я имел представление. Именно 19 ноября 1942 года начался ее второй период – Сталинградская стратегическая наступательная операция, которая началась с ноябрьской наступательной операции по окружению сталинградской группировки противника. Я даже вспомнил, что эта операция имела название «Уран». Я сразу представил, что эта кружка могла принадлежать какому –нибудь солдату, который погиб в одном из многих боев, так и оставшись неизвестным. Почему – то мне представился безногий солдат, с трудом передвигающийся на самодельном передвижном устройстве, но, все равно, рвущийся в бой.

«Выходит, что не зря я получал свои пятерки, раз до сих пор все это помню», – подумал я, возвращая на место кружку.

– Оставь ее себе, – услышал я чей – то голос сзади.

Я обернулся, но передо мной никого не было, лишь, когда я взглянул вниз, то увидел безногого человека, сидящего на низкой самодельной каталке, точь в точь, как только, что себе представлял. Он был одет в военную форму, времен все той же второй мировой войны, а на его груди было несколько медалей, которые меня очень заинтересовали, и я стал их издали рассматривать. Он опустил глаза, смущаясь, заметив, это.

– Здесь нет той, самой главной, – махнул он рукой, – за оборону Сталинграда, – я не успел ее получить...

– Извините, мое любопытство, – сказал я, видя, что оно немного сконфузило моего нового собеседника.

Я увидел на его руке часы, но, зная, что они тоже остановились в самое неподходящее время, я уже не стал спрашивать, который сейчас час.

Он же, снова уловив мой взгляд, сам завел разговор о времени.

– Они стоят, уже давно, – сказал он мне, показывая на свои часы.

– Я знаю, – ответил я, а потом со вздохом добавил, – они стоят с той самой минуты, как вы сели на этот поезд.

Незнакомец удивленно посмотрел на меня своими серыми глазами и возразил:

– Все нет.

Тут уже удивился я:

– Как же нет? Разве здесь бывает по – другому?

– Здесь, бывает по разному, – немного грубовато ответил мне мой новый собеседник, а мои часы остановились совсем в другой момент.

– Если не секрет, то в какой? – продолжал я настойчиво интересоваться.

– Вы уверены, что хотите это знать? – засмеялся, вдруг незнакомец.

– Уверен, – ответил я спокойно.

Он перестал смеяться и так же спокойно ответил:

– Они остановились в тот самый момент, когда, наконец – то, сделав свое дело, убрал свои руки от моей шеи проклятый «фриц», к стати сказать, точная копия Фридриха Паулюса, да они все для меня на одно лицо, – он немного помолчал, а потом заметил, – как видите, часы могут останавливаться в самые непредсказуемые моменты, даже во время смерти.

Не сложно было догадаться, что моего собеседника задушил какой – то немец во время Сталинградской битвы. Разумеется, Фридрих Паулюс, самолично, вряд ли мог это сделать, скорее всего, мой собеседник, просто считал, как и многие другие, что виноват в его гибели именно главнокомандующий, который руководил смертоносной операцией. Я еще, будучи школьником, прочитал иллюстрированную книгу о Нюрнбергском процессе, на котором он давал свидетельские показания. Но я не стал говорить этого моему собеседнику, по тому, что только сейчас, я понял, проанализировав его последние слова, что время, указанное на остановившихся часах, может совпадать со временем смерти человека, а это означало, что только одно, что я нахожусь на том свете.

– Вы хотите сказать, что я умер? – прямо спросил я у него.

– Я не хочу это сказать, – ответил незнакомец, – вы сами это говорите.

– Но мои часы остановились в полдень, в то же время, я сел на этот поезд, – сказал я, вопросительно глядя на него.

Он же спокойно отвечал:

– Только и всего, только и всего.

– Я видел здесь свою мать, – сказал я ему.

– Так чего же тогда ты переживаешь? Это нормально, здесь также могут появляться и живые и мертвые. Но, правда, только те мертвые, которые умерли не своей смертью. И живые, и мертвые могут приходить сюда к своим самым любимым людям, которые оказались здесь и нуждаются в них.

Я не понимал, что он хочет этим сказать. Одно я знал точно, что мой очередной собеседник, снова оказался сумасшедшим. Я злился на себя все больше и больше. Заодно, я злился и на него. Мне казалось, что он специально травит меня. Не будь он калекой, я, наверное, ударил бы его. И только я успел об этом подумать, как мужчина встал со своей каталки и стал выплясывать «яблочко» на совершенно здоровых ногах.

– Но, как же так? – закричал я, – у вас же только что не было ног!

– Если так кажется вам, то это совсем не говорит о том, что так происходит на самом деле, – совершенно серьезно ответил мне мужчина и направился к двери вагона.

Я, сам того не замечая, последовал за ним. Он же, прямо на ходу, открыл дверь и спрыгнул с поезда, помахав мне рукой. Я бросился к нему, но не успел его схватить. Он, буквально, выскользнул из моих рук. Я был уверен, что он разобьется, но помочь ему уже ничем не мог. Я высунул голову в дверь, чтобы посмотреть ему вслед. Резкий порыв ветра ударил мне в лицо. Была ночь, но луна светила так ярко, что с легкостью можно было видеть, что твориться вокруг. Каково же было мое удивление, что незнакомец, совершенно целехонький, поднялся и пошел по направлению движения поезда, махая мне снова рукой. Я махнул ему в ответ, и в тот же

миг получил сильный удар в спину, от которого, я чуть было не вывалился с поезда. Я чудом удержался, зацепившись за перила. Когда я увидел своего обидчика, то сразу же заметил его сходство с Фридрихом Паулюсом, который был одет в тот же самый костюм, в котором я видел его на фотографиях, приведенных в прочитанной мной книге о Нюрнбергском процессе. Это было совершенно невероятно. Я просто остолбенел от неожиданности. Он снова замахнулся на меня. Но я, еле – еле успев увернуться, захлопнул дверь вагона и отбежал от нее как можно дальше. Он погнался за мной по вагону, крича:

– Отдай мне кружку! Отдай мне сейчас же кружку!

Я неплохо знал немецкий, поэтому смог его понять. Единственное, чего я не понимал, так это было то, почему он требует у меня возврата этой кружки, я ведь так ее и не взял.

Он гнался за мной и продолжал кричать одно и то же. В конце концов, он сказал, что сейчас пристрелит меня, если я не подчинюсь его требованию. Я остановился и повернулся к нему. Он же, как цепной пес, налетел на меня и повалил на пол. Между нами завязалась борьба. Он вцепился своими ручищами в мое горло и стал меня душить. Я не принадлежал к числу очень сильных физически людей, поэтому у него бы с легкостью получилось задушить меня, если бы я, вдруг, не вспомнил про заколку в виде спицы, которую мне отдала рыжеволосая девушка. Я вынул ее из кармана шинели и, собрав остатки сил, вонзил в шею моего противника. Его хватка немного ослабла. Я резко вытянул спицу назад, и из его шеи прямо мне на грудь хлынула кровь. Это означало, что мне повезло, и я попал ему в артерию. Он схватился за шею, и потом упал на меня. Я оттолкнул его от себя и встал. Он остался лежать на полу вагона, истекая кровью. Я еще раз посмотрел на его лицо, теперь же я уже отчетливо понимал, что этот «фриц» не так – то уж и похож на Паулюса. Хотя, что – то общее у них, конечно, было, как, наверное, у всех немцев, какая – то запоминающаяся отличительная черта во внешности, позволяющая определить принадлежность человека именно к той или иной нации.

Я же, решив, что с меня хватит, направился к выходу из этого вагона. Здесь мне было уже делать совершенно нечего. Меня всего трясло от того, что мне только что пришлось сделать. Чтобы не видеть своих трясущихся рук, я опустил их в карман шинели, заодно, убрав туда спасшую мне жизнь (как это иронично не звучало в данной ситуации) заколку. В кармане, я наткнулся на железный предмет, в котором, без труда, я тут же узнал ту самую кружку, которую требовал у меня «фриц». Теперь – то я точно знал, что если мне в этом поезде кто – то что – то предлагает, то эту вещь надо обязательно брать, по тому, что она может очень пригодиться, как, например эта заколка. С этими мыслями я покрутил в руке кружку и убрал ее снова к себе в карман.

«Жаль, что никто не одолжил мне рубаху», – подумал я иронично, глядя на свое отражение в зеркале, которое висело возле выхода из этого вагона. Теперь моя рубаха была вся в крови «фрица». Вид у меня был просто ужасный. Но выбора у меня не было, и я, открыв дверь, перепрыгнул в следующий вагон.

Я снова очутился в тамбуре. Все было точно так же, как и в прошлый раз. Возле окна стоял мужчина лет сорока пяти в длинной серой шинели, на которой не было погон. Его темно русые волосы были, по – прежнему, небрежно зачесаны назад, вот только брови, уже не были сдвинуты к переносице. Его серо – зеленые глаза, на этот раз смотрели не в окно, а прямо на меня. Он слегка приподнял одну бровь и дружески улыбнулся мне. В руке мужчина держал папиросу, от которой струился вверх легкий дымок. Хотя тамбур, как и в прошлый раз, был наполнен характерным запахом табачного дыма, сейчас, я даже не заметил этого. Я удивился, увидев своего старого знакомого снова, да к тому же, еще и снова в шинели.

«Видимо у него их было несколько штук, и он отдавал их всем подряд направо и налево», – подумал я про себя.

– Напрасно вы так думаете, – молодой человек, – обратился ко мне мой знакомый, видимо, каким – то образом прочитав мои мысли.

– Вы можете читать мысли? – спросил я.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– У меня шинель одна единственная, и я расстаюсь с ней только в самых крайних случаях, – сказал мой добрый собеседник.

– Тогда что же надето на мне? – спросил я его с ехидством.

– На вас? – спросил он, все так же лукаво улыбаясь мне, – по моему, это называется «рубаша».

Я посмотрел на себя и остолбенел от удивления. На мне снова была только моя прежняя одежда, но уже совершенно чистая. И никакой шинели.

– Не удивляйтесь, в этом нет ничего странного, – продолжал он, – просто моя шинель вам больше не пригодится, чего не скажешь обо мне самом.

Я вопросительно смотрел на него, а он между тем пояснил мне:

– Вы уже не попадете в тот вагон, из которого вышли, а вот мне придется еще не раз пройти по нему, а я, брр, – он поежился, – не люблю сквозняков.

– Как, не попаду, – спросил я, вспомнив, что пообещал рыжеволосой девушке, давшей мне заколку, забрать ее с собой, когда найду выход.

– Очень просто, – отвечал мой знакомый, – разве можно дважды войти в одну и ту же воду?

– Нет, конечно, но причем здесь это? – не понимал я.

Мой собеседник только улыбнулся мне в ответ и ничего не ответил.

Я кинулся к двери, что вела назад, чтобы открыть ее и вернуться в прежний вагон, но сильная рука моего собеседника резко остановила меня:

– Не торопитесь этого делать, мой друг, – сказал он, – если вы не верите мне на слово, то хотя бы подумайте, действительно ли вам стоит тратить время на возвращение?

Я до конца не понимал, что хотел мне этим сказать мой собеседник, но от моей идеи вернуться, он заставил меня отказаться, и я застыл на месте.

– Вы понимаете, – сказал я моему знакомому, – я обещал одной девушке, которая находится в том вагоне, который я только что покинул, что вернусь и уведу ее.

– Понимаю, – отвечал мне он, – но вы уверены в том, что человек, который стал вам так дорог, именно ваш человек?

– Не понимаю? – я вопросительно посмотрел на своего собеседника.

– Все очень просто, мой друг, все течет, все меняется, и многие вещи, которые кажутся нам порой жизненно важными в этом мире, поверьте мне, со временем теряют всякий смысл.

– Абсолютно все вещи? – спросил я его.

– Этого я не говорил, мой друг, – снова лукаво улыбнулся мой знакомый, поняв, что я его провоцирую.

Мне было приятно философствовать с этим человеком, и я продолжал, вовлекая его в дальнейшую дискуссию:

– И что же, по – вашему, является исключением?

– Я могу сказать вам одно, что то, что вы не найдете этого, вернувшись в покинутый вами вагон, – он снова приподнял одну бровь и, посмотрев мне прямо в глаза, добавил, – вы меня понимаете, мой друг?

– Думаю, что да, – ответил я, уже с твердым намерением прислушаться к моему знакомому и идти вперед.

– Вот и хорошо, я рад за вас, – сказал он мне, и, закулив очередную папиросу, опустил руку с портсигаром в свой карман.

В тот же момент я услышал характерный звон. Это портсигар коснулся железной кружки, из –за которой за мной гонялся «фриц». Мужчина в шинели достал эту кружку и рассмеялся, глядя на нее.

– Держу пари, что вы уже успели познакомиться с «фрицем», – сказал он.

– Не только познакомиться, – робко ответил я.

– А что же еще? – удивился мой собеседник.

– Я уже успел убить его, – вздохнул я.

– Поздравляю вас, – смеясь сказал он, – да вы, я смотрю, переживаете по этому поводу.

– Я впервые убил человека, – признался я.

– Не переживайте, – сказал мой знакомый, – хотите, я при встрече скажу ему, что вы сожалеете о случившемся.

– Вы смеетесь надо мной?

– И не думаю, – серьезно ответил мне мой собеседник.

– Но, как же вы его увидите, если я его убил?

– Это вы думаете, что вы его убили, а с чего вы взяли, что на самом деле все есть именно так, как вы думаете?

– Но, как же может быть по – другому, я точно убил его, я видел, как он умирал...

– Вы видели только то, что хотели видеть, только и всего, – он снова дружески похлопал меня по плечу и протянул мне кружку.

– Тогда уж отдайте ее ему, – решил я, – раз он за ней так гоняется, значит, она ему, действительно, очень нужна.

– Спасибо, мой друг, – сказал мужчина, убирая кружку обратно в свой карман, – он будет очень рад, такого подарка он вряд ли ожидает.

– В вашем кармане лежит заколка, которую подарила мне девушка, верните мне ее.

– К сожалению, это невозможно, – ответил он.

– Но почему? – удивился я.

– По тому, что эта вещь уже сделала свое дело и теперь находится снова у своей хозяйки, вы ведь не будете спорить, что ей она гораздо нужнее, чем вам, – сказал мужчина, указывая на мою не очень пышную шевелюру, и мы оба рассмеялись.

– Вы так много знаете, – признался я своему знакомому, – я уверен, что вы наверняка знаете и ответ на вопрос: как можно сойти с этого поезда, ведь он совсем ни разу не остановился.

– Вы переоцениваете меня, мой друг, этого я не знаю.

Я расстроено потупил взгляд.

– Есть только один человек, который это знает, – сказал он мне.

– Как его найти? – воскликнул я.

– О, это сделать совсем не просто, – он задумчиво посмотрел в окно.

– И все – таки, – настаивал я.

– Многим не удается сделать это за всю свою жизнь.

– Кого же это людям приходится искать так долго?

– Самих себя, самих себя, мой друг, – ответил мне мой собеседник, – неужели вы об этом еще до сих пор не догадались?

Я понял, что оказался слабейшей из сторон в этой дискуссии, поэтому и потерпел полное фиаско.

– Не отчаивайтесь, мой друг, – мужчина снова похлопал меня по плечу, – я встречал пару – тройку людей, которые благополучно покидали этот поезд, но, большинству суждено здесь остаться навсегда.

– Это ужасно, – сказал я.

Мужчина снова рассмеялся.

– Это, опять же, как посмотреть, – сказал он, – многим здесь очень даже нравится.

– Да, – согласился я, – я уже имел удовольствие видеть подобные экземпляры.

– О, то, что вы видели, это лишь малая их часть, а потом, вы же еще не знаете, что вас ждет в следующих вагонах, не исключено, что вам здесь тоже понравится.

– Что вы, это не возможно, – замахал я руками.

– Возможно, все возможно, поверьте мне, не стоит зарекаться раньше времени.

Я не стал с ним спорить. Ему, наверное, было виднее. Но я знал себя, поэтому и был уверен в своей непреклонности сойти с этого поезда. Мне совершенно не хотелось узнавать что там в следующих вагонах. Он, как – будто прочел мои мысли и сказал:

– Да, и не пытайтесь спрыгнуть с этого поезда, только зря потеряете время. С этого поезда можно сойти, не вернувшись обратно, только через одну единственную дверь.

– Которую ищет голубоглазый мужчина, тот, что просил у меня шинель?

– Да, и которую придется найти вам, если вы так твердо уверены, что вам необходимо выйти отсюда. Вы ведь все еще в глубине души надеетесь попасть на свою деловую встречу?

– Где – то уже совсем глубоко, – произнес со вздохом я, – хотя, это, конечно, невозможно.

– И невозможное возможно, – загадочно произнес он.

Я же не отнесся к его последним словам серьезно, полагая, что это просто игра слов. Мы, молча, стояли друг напротив друга. Был слышен только стук колес мчащегося поезда.

– Я сильно накурил здесь, – сказал мужчина, – надо бы проветрить, – с этими словами он открыл форточку.

Странно, я ожидал, что мне в лицо подует холодный ветер, но этого не произошло. Напротив, я почувствовал лишь легкое дуновение теплого летнего ветра.

– А где – же снег? – удивленно спросил я.

– Какой снег, друг мой, – сказал мужчина, улыбаясь своей лукавой улыбкой – июнь на дворе, разве вы забыли?

– Теперь вспомнил, – парировал я.

– Ну, вот и славно, значит, я могу идти дальше, да и вам, наверное, не стоит тратить здесь со мной время, – сказал он и открыл дверь.

– Насколько я понимаю, времени здесь у нас с вами предостаточно, – сказал я.

– У меня, да, а вот у вас ...

Я не расслышал окончания его фразы из – за того, что он уже прыгнул в другой вагон. В тот самый, из которого я недавно вышел.

Но я, все же понял, что он хотел сказать, что времени у меня не так уж и много.

«Что бы это могло значить, и откуда ему известно про мою деловую встречу?» – спросил я сам у себя, и тут же ответил, – «Да все, что угодно, стоит ли задумываться, ведь здесь совершенно ничего не поддается никакой логике».

Я высунул голову в окно и стал вдыхать теплый июньский воздух, по которому, по правде сказать, я уже успел соскучиться. Невероятно, а раньше я совсем никогда и не думал, что можно получать удовольствие от таких простых вещей, например, как ощущение этого прекрасного теплого летнего воздуха. За окном уже забрезжил рассвет, это означало, что я провел здесь уже целую ночь, а, следовательно, проведу здесь и утро. Я опустил голову вниз. Теперь я уже знал наверняка, что все мои силы вернуться в город, были потрачены впустую. В душе я никак не мог смириться с тем, что благодаря своему отсутствию на переговорах, я потерял приличные деньги, да заодно, пожалуй, и серьезное к себе отношение со стороны моего потенциального партнера, которого я пока еще даже и не видел. Но, со слов моих коллег, это была, ко всему прочему, еще и симпатичная молодая дама. На душе у меня стало совсем скверно. Я опустил вниз и присел на корточки, закрыв лицо руками. Я был в полном отчаянии, даже моя тревога по поводу происходящего здесь со мной куда – то неожиданно улетучилась. Меня брала досада по поводу потерянных денег. А ведь я уже запланировал, куда их должен вложить.

Если я не сделаю своевременные вложения, то это принесет новые материальные потери. Если бы я был сейчас дома, все было бы не так трагично. Я перехватился бы в банке, в любом случае, я нашел бы выход. Мои заместители, не смогут предпринять что – либо оперативно, так как будут ждать меня. А когда я появлюсь, одному богу известно. И появлюсь ли вообще...

Я решил, что если продолжу думать об этом, то только окончательно раскисну. Я ведь все равно ничего не могу сейчас изменить. Поэтому совершенно бессмысленно убиваться по этому поводу. Что я имею сейчас? Этот вагон перед собой и кучу не пройденных купе. Об этом и следует думать в первую очередь.

Вдруг на мгновение мне пришла в голову мысль, что я зря трачу время на то, что заглядываю в каждое купе. Мне следует идти от вагона к вагону, никуда не заглядывая, тогда я быстрее дойду до конца.

Я, что было сил, бросился вперед. Я бежал так быстро, что только успевал открывать и закрывать двери вагонов. Подо мной всякий раз мелькали шпалы, когда я перепрыгивал из вагона в вагон. В тамбурах вагонов были открыты окна, и я везде ощущал дуновение теплого летнего ветерка. Я пробежал уже несколько вагонов и вот, вот ожидал увидеть выход их этого поезда...

Но, в конце концов, вместо выхода, я обнаружил, что снова нахожусь в том вагоне, куда я вошел вчера при посадке на этот поезд. Это снова был вагон номер «шесть». Я забежал в свое купе, где меня вчера кормили вкусным борщом, и, упав навзничь на нижнюю полку, которую я занимал ранее, разрыдался, как ребенок. Не знаю точно, сколько я провел времени в таком состоянии.

Вдруг, я почувствовал, как чья – то рука легонько провела по моей спине. Я резко встал и хотел обернуться, но ласковый женский голос сказал:

– Не оборачивайся, сынок, это я, мама.

Мне, очень сильно хотелось повернуться, но я послушался ее. Я сразу успокоился. На душе у меня вдруг неожиданно стало легко и хорошо.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя видел?

– Верно, так надо, послушай меня, я здесь, чтобы успокоить тебя.

– Почему я снова очутился в этом вагоне?

– По тому, что невозможно перейти в следующий вагон, пока ты не прошел предыдущий.

– Но я прошел.

– Ты не прошел, а пробежал, так нельзя, это все равно, что нюхать духи, не ощущая запаха, раз уж ты попал сюда, то надо заглянуть везде, вдруг, потом тебе это пригодится.

– Я понял, – ответил я.

– Сейчас тебе придется начать свой путь заново.

– Но я ведь уже прошел два вагона и знаю что в них.

– Ты ведь помнишь, что сказал тебе мужчина, который дал шинель, нельзя в одну и ту же воду войти дважды.

– Ты хочешь сказать, что при следующем моем посещении, в этих вагонах будет все иначе?

– Ты сам все увидишь, я, к сожалению, не знаю, что там будет дальше, это сможешь узнать только ты, сынок.

Мучил меня еще один вопрос и я, не откладывая, задал его маме:

– А кто этот мужчина в шинели?

– Он хороший. Ты можешь полностью доверять ему.

– Я могу обнять тебя? – спросил я ее, так как чувства переполняли меня.

С этими словами я хотел повернуться.

И в этот раз меня никто не остановил. Повернувшись, я перед собой совершенно никого не увидел. Я протянул руки, но они снова вонзились в полную пустоту. Мне было очень жаль,

что мой разговор с мамой вышел не очень длинный, зато теперь я знал, что мне следует делать. Мне повезло, что до своего решения пробежаться по вагонам, я обследовал только два из них, притом, первый вагон был совершенно пуст, и времени я на его прохождение почти не затратил.

«Ну, что же», – сказал я сам себе, – «вперед, посмотрим, какой же сюрприз приготовила мне судьба на этот раз».

Я вышел из своего купе и направился, как и в прошлый раз, к проводнику, которого мне снова не удалось застать. Я этому совсем не удивился и пошел дальше. Пока все, что я здесь наблюдал, выглядело без изменений. Все те же таблички с указанием мест, на которых я, как и в прошлый раз увидел по четыре цифры «шесть». Все те же аккуратно заправленные полки и красные занавески. Все те же свежие цветы на столиках. Я с усердием открывал дверь каждого купе и тут же закрывал их, так как внутри было пусто. Я уже настолько привык делать одни и те же движения, что закрытие дверей у меня происходило уже просто на автомате. Передо мной была дверь последнего купе, которую я быстро открыл и, по привычке, уже почти закрыл. Но это купе не было пустым. Я еле удержал дверь, чтобы она не закрылась. Я снова заглянул в это купе и, действительно, на нижней полке, на месте с номером «шесть» (а иначе и быть не могло) лежал, лицом вниз, человек.

– Извините, я без стука, – сказал я.

Человек приподнялся и посмотрел на меня. Это был молодой парень. У него были опухшие глаза. Мне показалось, что это было от слез. Взгляд его был абсолютно растерян. За окном было лето, и в поезде было довольно тепло, но он был одет в красный теплый свитер с длинными и широкими рукавами. Он посмотрел на меня несколько секунд своими серыми большими глазами и снова уткнулся в подушку. Я, поняв, что меня не хотят видеть, решил не мешать и поспешил удалиться, но в тот же миг мне пришла в голову мысль, что здесь просто так ничего не бывает, и если я встретил здесь кого – то, то по крайней мере, должен выяснить, не могу ли я быть ему чем –нибудь полезен. Я вернулся и, подойдя к нему, спросил:

– Извините меня за навязчивость, но, не могу ли я вам чем –нибудь помочь?

Услышав меня, парень снова приподнялся и вновь посмотрел на меня.

– Благодарю вас, – ответил он, всхлипывая, – к сожалению, не можете.

– Очень жаль, – ответил я, – и все – таки, если вы передумаете, то можете на меня рассчитывать, а может быть, вам захочется с кем –нибудь поговорить. Правда, в этом случае, у вас выбор не велик, – пытался пошутить я, – кроме меня в этом вагоне, все равно больше никого нет.

– Никого нет? – спросил удивленно парень, перестав всхлипывать.

– Да, мы здесь совершенно одни.

– Вдвоем в целом вагоне? – он слегка усмехнулся, – в конце сессий в институтах, людям билетов не достать на поезд, а мы вдвоем в целом вагоне.

Он снова погрузился в грусть.

– Спасибо вам за предложение, но если мне будет что –нибудь нужно, я обращусь к проводнику.

Я вздохнул, глядя на него, и сказал:

– Не хочу вас разочаровывать, но боюсь, что это вам сделать не удастся.

– Это почему же?

– Я же говорю вам, что мы здесь с вами едем вдвоем. Больше нет ни души.

– Мне сейчас не до шуток, если вы хотите развлечься, то, простите, вам придется поискать другую компанию.

– Мне, к сожалению, выбирать не приходится.

– Что вы хотите этим сказать? – уже немного раздраженно сказал парень.

– Только то, что сказал, – ответил я и направился в сторону выхода.

Немного не доходя до двери, я обернулся и добавил:

– Да посмотрите же вы, хотя бы на таблички в этом купе!

Он повернул голову и его взгляд застыл на четырех цифрах «шесть».

– Вот видите, что здесь все места имеют один и тот же номер, также точно и в других купе. Вам не кажется это странным?

– Ничего себе, я занял чужое место! – изумленно произнес парень.

– Вы заняли свое место, не беспокойтесь, ведь на вашем билете написано, что ваше место номер «шесть»?

– Верно, – ответил он, достав свой билет и внимательно всмотревшись в него.

– Все правильно.

– А откуда вы здесь появились? Тоже сели на станции? – спросил он меня, глядя все также подозрительно.

– Да.

– Но я вас не видел. Держу пари, что я был единственным пассажиром, который сел на станции.

– Все очень просто, – ответил я, – просто вы сели на этот поезд на станции сегодня, а я вчера.

– Но, как же это возможно?

– Здесь все возможно, – ответил спокойно я.

– Вы смеетесь надо мной, – обиженно сказал парень.

– Ах, если бы, молодой человек, – ответил я, тяжело вздохнув.

– Вы извините, – сказал мне парень, – но, по моему, вам следует обратиться к врачу.

– Вы думаете, что я простудился? Вряд ли. Да и откуда здесь взяться терапевту?

– Я имею в виду не терапевта..., а психиатра, – сказал парень, явно желая задеть меня.

После его слов, из меня вырвался громкий хохот.

– Вы развеселили меня, – сказал я ему, – нет, я не душевно больной.

Он подозрительно посмотрел на меня, а потом сказал:

– Ваши слова еще раз доказывают обратное.

Я снова расхохотался.

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Сумасшедшие никогда не считают себя таковыми на самом деле. Но не переживайте, это не мой случай.

Парень продолжал на меня подозрительно смотреть.

– Дайте мне пройти, – сказал он, встав с полки.

– Да, пожалуйста, – ответил я.

Он вышел и направился в начало вагона. Я же вышел из купе и встал напротив, лицом к окну. На улице уже было совсем светло. Светило солнце, которое слепило меня даже через оконное стекло. Мне было нужно сделать всего пару шагов, чтобы перейти в следующий вагон, но я не делал их, так как твердо знал, что пока должен оставаться здесь.

Через несколько минут, снова явился молодой человек. Он с опаской подошел ко мне и сказал:

– Как на зло, куда – то проводник запропастился.

Я посмотрел на парня, вздохнул и ничего не отвечая, отвернулся и продолжил смотреть в окно. Мы так стояли, молча, какое – то время, пока он, снова, не нарушил тишину.

– Вы, правда, не сумасшедший? – робко спросил он.

– Да я уже и сам не знаю, – не сразу ответил я.

– Извините, – сказал он.

– Пустяки, – ответил я, а потом, глядя на парня, спросил, – из – за чего вы так расстроивались, сессию не сдали?

Теперь рассмеялся парень.

– Вы что, разве можно расстраиваться из –за такой ерунды, – ответил он мне.
– Действительно, – согласился с ним я, – тогда от чего?
– Это личное, – сказал он, опустив глаза.
– О, понимаю, – сказал я, – с девушкой поссорились?
– А как вы догадались?
– Ну, пожалуй, это единственное, что может являться не ерундой, – ответил я серьезно, потешаясь в душе над его юностью.

– Это точно, – сказал парень, тяжело вздохнув, совсем не поняв моего юмора.
«Ну и к лучшему», – подумал я, вспомнив себя в его годы.
– Проводник уже успел накормить вас?
– Да, это был просто превосходный завтрак. Никогда не думал, что в поездах могут так готовить. Жаль, что обедом здесь теперь кормить некому.

Его слова еще раз свидетельствовали о том, что проводника мы больше сегодня не увидим.

– А мне вчера повезло больше, меня кормили восхитительным обедом.
– Странно, почему вчера вас кормили обедом, а сегодня проводник куда – то исчез в это время?

– Все очень просто, – ответил я, – может быть, здесь кормят только один раз, я так думаю, что это такая традиция, ну, как знаете, в хорошем отеле предлагают приветственный коктейль или бутылку вина в день приезда, а я вчера, как раз, сел на поезд во время обеда. А вы сели на поезд сегодня утром, как раз, во время завтрака, кстати, в котором это было часу?

– Пару часов назад, – ответил он и посмотрел на часы, – сейчас скажу точно.
«Ну, ну», – подумал я.
– Ой, мои часы остановились, – воскликнул он, – скажите, который сейчас час.
– Не скажу, – ответил я.
– Почему?
– Угадайте с трех раз, – пытался шутить я, – мои часы тоже стоят.
– Тоже стоят? – удивленно спросил он.
– Да, тоже стоят, – повторил я, – да не удивляйтесь вы так, часы останавливаются именно в тот момент, когда человек садится на этот поезд, или когда..., впрочем, это тебе пока знать рановато.

К счастью, он не обратил внимания на мои последние слова и снова посмотрел на часы.
– Значит, – радостно заключил он, – я сел на этот поезд ровно в шесть часов утра.
– Ха – ха – ха, – раздался рядом чей – то смех, – как же, как же, ты сел на этот поезд ровно в четыре часа тридцать семь минут.

Это был проводник. Тот самый, который кормил меня вчера борщом и любезно улыбался. Сегодня же он выглядел иначе. Нет, нет, внешне это был тот же самый человек. Вот только его глаза были сегодня, какие – то дикие и злые. От вчерашней любезной улыбки не осталось и следа. Вместо нее, на лице была недовольная гримаса.

Парень, ничего не понимая, смотрел то на меня, то на проводника. Разумеется, в эту самую минуту я, одним махом, полностью потерял перед ним весь свой респект. В его взгляде чувствовалось недоумение. Я оказался не прав, сказав ему, что проводника здесь больше нет, да и вообще я оказался полным идиотом, по тому, что с уверенностью делал свои никчемные умозаключения, забыв, что дважды в одну и ту же воду войти невозможно.

– Но, – парень посмотрел на меня и отвернулся в сторону проводника, – почему тогда мои часы остановились в шесть часов.

– Да по тому, что ровно в шесть часов ты умер! – заявил ему проводник.
Парень побледнел.
– Да вы здесь все сумасшедшие! – закричал он.

– Ты что не веришь? – хохотал проводник.

Потом он с издевкой добавил:

– Сев на этот поезд, ты вскрыл себе вены из – за несчастной любви! Разве ты забыл?!

– Сумасшедшие, – повторял парень.

– Да ты взгляни на свои руки? – не унимался проводник.

Парень засучил рукава свитера и моему взору предстали его окровавленные руки.

Парень начал метаться в истерике от меня к проводнику и обратно. Проводник хохотал над ним, как очумелый. Я, что было сил, прижал парня к себе. Он вырывался. Мне с трудом удавалось его сдерживать.

– Пошел прочь отсюда, – крикнул я проводнику, – не то я с тобой разберусь!

Проводник расхохотался еще сильнее, но, как ни странно, послушался меня и удалился в начало вагона, вероятно, в свое купе.

– Не слушай его, – сказал я парню, – это не правда.

– Оставьте меня в покое, – вдруг совершенно спокойно сказал он и оттолкнул меня, – он хотя бы, действительно, знает, что говорит..., в отличие от вас.

Мне стало не по себе, ведь он был абсолютно прав.

– Извините меня, – сказал я.

– Не стоит, – махнул он рукой, и направился на свое место, – вам давно пора в следующий вагон, чего вы ждете?

Я пошел вслед за ним, но он, открыв дверь своего купе, зашел внутрь. Воспользовавшись моментом, пока он еще не закрыл дверь, я крикнул ему, правда, совсем не надеясь на положительный ответ:

– Я думал, может быть, вы все – таки передумаете и вскоре присоединитесь ко мне?

Парень обернулся и, презрительно посмотрев на меня, сказал:

– Это вы присоединитесь ко мне, – потом он сделал паузу и, усмехнувшись, добавил, – надеюсь, что это произойдет не слишком скоро.

– Я, к вам? – не понял его я.

– Да, вы ко мне, – усмехнулся парень, – когда умрете.

Сразу же после этой фразы, я услышал, как с шумом передо мной закрылась дверь.

Я, находясь под впечатлением от только что услышанного, хотел еще чего – то спросить у парня. Но, когда я открыл дверь купе, за которой скрылся этот молодой человек, то, ровным счетом, никого не обнаружил. Купе было совершенно пустым. Я не поверил своим глазам и крикнул в пустоту:

– Эй, парень! Ты где?!

Ответа не последовало. Я заглянул под полки, но там было пусто, в общем, я обшарил все это купе, в надежде еще раз встретиться с этим парнем, но, увы, мне не удалось его обнаружить.

Я понимал, что мне уже давно следовало привыкнуть к подобным вещам, которые творились здесь по – всюду, но почему – то, это у меня пока не получалось. И я продолжал удивляться. Сейчас я извлек, пожалуй, один из самых основных уроков, я понял, что здесь, я ровным счетом из себя ничего не представляю. Здесь следует забыть о том, что я босс крупной фирмы, и о всем таком. Здесь имеет значение только то, что у тебя имеется в душе и в сердце. Все прочее, может причинить только вред. Поэтому, я окончательно убедился в том, что мне следует распрощаться, первым делом, со своей напыщенной важностью, и, перестать думать, что я здесь умнее всех.

Я вышел в тамбур, чтобы отправиться в следующий вагон. Ведь теперь оставаться в моем вагоне было совершенно бессмысленно. Я надеялся, что, когда перейду в следующий вагон, то вновь встречу доброго мужчину в шинели, который снова меня выручит, одолжив ее на зимнее время. Мне самому стало смешно от своих мыслей. Особенно меня рассмешило «зимнее

время», в которое я надеялся через несколько секунд окунуться с головой. Каково же было мое удивление, когда войдя в следующий вагон, я не встретил мужчину в шинели. Я постоял там несколько минут, в надежде, что он вот – вот появится, но мужчина не появился. Я немного расстроился из – за того, что не увидел здесь его, не только по – тому, что нуждался в его шинели, а просто, он был единственным в этом поезде, чья компания была мне приятна. Честно говоря, когда я его видел, у меня даже на душе становилось легче, по тому, что я знал, ничего плохого, пока он рядом, со мной случиться не может. Это выглядит смешно, но я стал считать его своим ангелом – хранителем.

Итак, я его не встретил. Я выглянул в окно.

«Ба! Да на дворе – то лето!» – обрадовался я. Это означало, что шинель мне на этот раз не понадобится. Теперь мне стала ясна причина, по которой, здесь меня не поджидал мужчина в шинели. Дальше, мне оставалось только одно – идти вперед.

Я заглянул в купе проводника. Оно пустовало. И это казалось мне уже абсолютно нормальным. Я постучал в следующую дверь, в ту самую, из которой в прошлый раз высовывалась говорящая голова. Я подумал, что было бы забавно, увидеть того сумасшедшего человека с взъерошенными волосами в совершенно не свойственной ему одежде, например в смокинге.

– Прошу вас, входите, – раздался голос за дверью, пока я фантазировал.

Я робко открыл дверь. Невероятно, но я увидел ту же самую говорящую голову, которая высовывалась на мой стук в прошлый раз. Только теперь я видел не только голову, моему взору предстал этот человек целиком. Это был высокий джентльмен, одетый в черный элегантный и, по всему было видно, не дешевый костюм, черные ботинки, ослепительно белую рубашку и черную бабочку. Его волосы были не взъерошены, как в прошлый раз, а аккуратно спускались к плечам красивыми волнами. От мужчины исходил приятный аромат парфюма. Он вопросительно, хотя и, как мне показалось, вполне дружелюбно смотрел на меня.

– Извините, – сказал я, – что потревожил вас.

– Пустяки, – учтиво ответил он и предложил мне присесть.

Сам он присел только после того, как я принял его предложение. Это еще раз свидетельствовало о его хороших манерах. По видимому, на этот раз и его внутренний мир изменился и соответствовал его внешнему облику. Он продолжал выдерживать паузу, и я вынужден был начать разговор первым:

– Я, видите ли, так же, как и вы вынужден следовать в этом загадочном поезде.

Я понимал, что говорю полную чушь, но мужчина, только снисходительно кивнул мне на это головой и любезно улыбнулся. Мне ничего не оставалось, как продолжить свой монолог.

– Несколько раз я пытался выяснить, который сейчас час, но все тщетно. Никто, из встретившихся здесь мне людей, не знает, когда мы, наконец, приедем в город.

Мужчина продолжал смотреть на меня и кивать головой. Тут я решил отбросить всякие условности и задал ему вопрос:

– Может быть вам известно что –нибудь о времени нашего прибытия в город?

– Нет, любезный, я же вам еще в прошлый раз ответил, что все, что касается времени, меня абсолютно не интересует, как, в прочем, и все остальное, простите, что не смог оказаться вам полезным. Хотя, если вы хотите меня еще о чем – то спросить...

– Нет, пожалуй, – перебил я его, поняв, что, не смотря на кардинальное изменение внешнего вида, суть этого господина осталась прежней, – это все.

Я поспешил удалиться и уже не увидел, покрутил ли этот мужчина указательным пальцем у своего виска, как в прошлый раз. Скорее всего, на этот раз, нет. Но в том, что он подумал обо мне, как о сумасшедшем, сомнений быть не могло. Я закрыл дверь его купе. Второй раз после встречи с этим человеком, у меня вновь оставался неприятный осадок.

Я не хотел растягивать надолго свое присутствие в этом вагоне, поэтому стремился не отвлекаться по пустякам. Я шел быстро, совсем не обращая внимания даже на то, что про-

исходило за окном. Я подошел к следующей двери. Сделав глубокий вдох, я постучал. Мне не ответили. Я приложил ухо к двери и услышал мужские голоса. Я сразу узнал бас одного из них, который в прошлый мой визит был особенно словоохотлив. Подумав, что пассажиры этого купе слишком увлеклись своим занятием и не расслышали моего стука, я решил, что не случится ничего страшного, если я войду без приглашения.

Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Передо мной было двое мужчин, которые о чем – то горячо спорили. Я готов был поклясться, что вижу их впервые, не смотря на то, что голоса их я уже слышал в прошлое свое посещение. Оба мужчины были одеты на сей раз в бордовые сатиновые халаты, из – под которых виднелись ослепительно белые рубашки и шейные платки из атласа. Халаты, надетые на них, были чуть ниже колена, поэтому я без труда увидел, что у одного мужчины были серые, а у другого черные брюки, обувь же была черной у обоих. На этот раз, в их купе, как и в предыдущем, стоял аромат изысканного парфюма. Мужчины продолжали спорить, не обращая на меня никакого внимания. Один, тот, что был побасистее, не смотря на свой благородный внешний вид, встал и вцепился в плечи другого своего приятеля, который продолжал сидеть, начав его трясти. Я не знаю, переросла бы их ссора в драку, или нет, если бы я не покашлял несколько раз, чтобы, наконец, привлечь к себе их внимание. Тот, что был побасистее, посмотрел в мою сторону, и тут, же любезно заулыбался, его руки в один миг соскользнули с плеч приятеля и поднялись к голове. Он стал тщательно приглаживать свои волосы, которые, на самом деле, слегка взъерошились. Но, было видно, что этим жестом, он хотел, как можно сильнее сгладить мое впечатление от только, что увиденной картины. Второй же в это время, поправил, как бы невзначай сдвинувшийся на бок шейный платок и закурил сигару, ловко отрезав ее край специальными ножницами. К приятному аромату парфюма, тут же добавился еще и аромат его сигары, который, казалось, сделал запах в купе еще более приятным. Пока он проделывал эту процедуру, тот, что побасистее, усадил меня на полку и предложил маленькую чашечку кофе.

«Ничего себе», – подумал я, – «откуда они взяли и сигары и кофе, ведь в прошлый мой визит, у них ничего не было кроме водки.

– Спасибо, – поблагодарил я его и сделал глоток.

Кофе был превосходным. По правде сказать, такого кофе, я готов был выпить не меньше десяти таких чашечек. Но просить добавки, я бы все равно не стал, поэтому, вынужден был смаковать, делая из этой чашечки мизерные глоточки.

–

Ну, как вам наш кофе? – наконец спросил меня, тот, что курил сигару.

–

Замечательный! – ответил я.

Он кивнул головой в знак согласия со мной.

Мне было неловко, что я потревожил их в не самый подходящий момент, поэтому я начал извиняться. Но они были совершенно не рассержены на меня за это и очень любезно попросили меня не волноваться по этому поводу. Однако мне было очень любопытно, чем же был вызван их жаркий спор и набрался наглости и спросил их об этом. Они же, как будто – то, ожидая от меня этого вопроса, переглянулись и рассмеялись.

–

Вы не поверите, – сказал мне басистый.

–

Поверю, я здесь всему поверю, – уверял их я.

Тогда тот, что курил, сказал:

– Видите ли, в чем дело. Это очень необычное купе. Здесь каждое утро, непонятно откуда появляется то водка, то сигары с кофе.

Он прервался, и поднес ко рту сигару.

– Ну, так и что же в такой ситуации могло оказаться для вас предметом спора, я не понимаю, – сказал я.

– Да все очень просто, – подхватил своего приятеля басистый, – проблема в том, что мы вечером должны подумать о том, что хотим увидеть на столе утром.

–

Ну так и в чем проблема? – не понимал я.

–

Да все очень просто, – повторил слова басистого мужчина с сигарой, – мы должны оба подумать об одном и том же, понимаете?

–

Честно говоря, не понимаю, что мешает вам это сделать, – сказал я.

Мужчина с сигарой рассмеялся:

– Лично мне мешает моя печень подумать о том, что хочет видеть на столе утром мой сосед.

Тут до меня дошло, что они никак не могут договориться между собой, иметь им завтра водку или кофе с сигаретами. Я рассмеялся. Мне казалось это забавным.

– А что будет, если вы так и не договоритесь между собой и подумаете о разном, что в этом случае будет стоять у вас на столе? – спросил я, пытаясь загнать их в тупик.

– Тогда завтра мы увидим здесь то, о чем подумает перед сном наш третий товарищ, – тяжело вздохнув, ответил басистый.

– Но почему, тогда, вы сразу не договоритесь все втроем? – продолжал интересоваться я, – и где вообще ваш третий товарищ?

– Он сейчас у дамы, – шепотом сказал тот, что с сигарой и приложил указательный палец к губам, – имейте в виду, что мы вам сказали это по секрету.

– Сами понимаете, – подключился басистый, – что тревожить мы его по поводу наших разногласий в такой момент не станем, а когда он вернется назад, нам, к сожалению, неизвестно. Он может там пробыть и до самого утра.

– Да, – протянул я, пытаясь иронизировать, – в тяжелую вы попали ситуацию, господа.

Но они не поняли моего сарказма и отнеслись к моим словам вполне серьезно.

– Вот вы меня сегодня и выручите, – быстро сориентировался басистый, – вы останетесь сегодня здесь и подумаете о, простите, водке. Идет?

– Ты что, – вмешался тот, что с сигарой, – это серьезно?

– Да, действительно? – поддержал его я.

– Серьезно, – ответил басистый.

– А ты мое мнение по этому поводу не хочешь узнать? – раздраженно спросил у басистого мужчина с сигарой.

Тут не выдержал и вмешался я:

– Во – первых, господа, вам не мешало бы узнать мое мнение по этому поводу, а оно, к стати сказать, вряд ли вас обрадует, поэтому можете не продолжать ваш бессмысленный спор.

Я поспешил направиться к выходу, а они, явно не ожидая такого поворота события, остались сидеть, открыв рты. Только когда я вышел из купе и хотел закрыть за собой дверь, басистый крикнул мне вслед:

– Вы только не заходите в следующее купе, – и через секунду пояснил, – как раз там сейчас находится наш третий товарищ. Не стоит их беспокоить.

Я закрыл дверь и застыл на месте.

«Неужели, то, что он сказал мне сейчас, было правдой», – подумал я и тут же сам себе ответил, – «а почему, собственно, это не может быть правдой и почему это так меня беспокоит».

Скорее всего, я без особых огорчений проделал повторно этот путь только с одной единственной мыслью – снова встретиться с моей рыжеволосой спасительницей, которая находилась так близко от меня. И разделяла нас с ней всего лишь дверь этого купе. Но в тот же момент, после слов, которые мне только что крикнул вслед мужчина, я понимал, что, на самом деле, между мной и моей рыжеволосой спасительницей целая пропасть. Так я стоял, рассуждая возле заветной двери, не решаясь постучать. Я спрашивал сам у себя, хочу ли я, вообще, снова увидеть ее, и понимал, что мой ответ может быть только положительным. В конце концов, я понимал, что, по крайней мере, мне следует поблагодарить ее за презент, который оказался столь важный для меня. Я не знал, что мне делать дальше. С одной стороны, постучать в эту дверь, мне не давало воспитание, или мужская солидарность, если хотите, с другой стороны, мне чертовски хотелось увидеть ее еще раз. Эти противоречивые чувства боролись во мне, но первое, все же одержало верх, и я решил ждать. Ждать столько сколько потребуется. Я отошел немного в сторону и, слегка облокотившись на гардину с бордовыми занавесками, которые закрывали окно в коридоре вагона, уставился в пустоту. Я не знаю, долго ли я так простоял, но в конце концов, силы стали оставлять меня и я почувствовал, что засыпаю. Недолго думая, я зашел в первое попавшееся пустое купе и лег на первое же попавшееся свободное место. Через мгновение, я уже спал крепким сном, покинув свой пост.

Во сне мне снова явилась мама. Теперь мне удалось увидеть ее лицо. Оно было совсем не обгоревшим и таким – же красивым, как прежде. Я сказал ей, что она прекрасно выглядит и, наконец, обнял ее. Она погладила меня рукой по волосам. Мы молчали какое – то время, но потом я сказал, что очень рад, что могу ее видеть и прижимать к себе. Она ответила, что тоже очень рада этому. Тогда я спросил, почему раньше я не мог этого делать. Она тяжело вздохнула и сказала:

– Все дело в том, сынок, что пока ты находишься в этом купе, ты можешь делать все что хочешь.

– Абсолютно все? – не поверил я.

– Да, – ответила она.

– Так это здорово, я останусь здесь на какое – то время, ведь тогда я смогу видеть тебя такую молодую и красивую!

– Это все не настоящее, сынок, – отвечала она, – как бы я не хотела иметь возможность обнимать тебя, прежде всего, ты должен, как можно скорее покинуть это купе и этот вагон.

– Но почему? – удивился я.

– Дело в том, что чем больше ты здесь находишься, тем сложнее тебе будет уйти отсюда. Люди так устроены, что быстро привыкают к тому, что получают, чего хотят, пусть даже и не по настоящему, даже, если им просто кажется, что получают, ты понимаешь меня, сынок?

–

Кажется да, мама.

–

Тогда, прошу тебя, немедленно покидай это купе, да и этот вагон, тебе здесь нечего делать.

– Тебе надо искать выход и идти дальше, не теряя времени даром.

– Только я хотел бы заглянуть, напоследок, еще в одно купе.

– Конечно, сынок, – сказала мама, как – будто сразу поняла о ком идет речь, только тебе не стоит там задерживаться на долго.

– Ты знаешь, о ком идет речь?

– Конечно, о девушке, что дала тебе заколку.

– Ты считаешь ее не достойной меня, и боишься, что я могу увлечься ею?

– Что ты, конечно, нет, хотя, я считаю, что ты у меня самый лучший на свете. Но дело тут совершенно в другом. Я боюсь сейчас не за тебя, а за нее.

– За нее? А что же грозит ей?

– А вот ей – то как – раз и грозит то, что она может очень легко тобой увлечься.

– Почему?

– У каждого свой крест сынок. И там и здесь. Большого я тебе сказать не могу. Прошу тебя, будь осторожен, пожалей девушку и быстрее уходи от нее.

Мама наклонилась ко мне и поцеловала меня в лоб. Я моментально проснулся, но отчетливо помнил, все, о чем мы с ней говорили.

Что было сил, я бросился вон из этого купе, даже не успев подумать ни о чем другом. Я сделал это так быстро, что чуть не наткнулся на стоящую в коридоре ту самую рыжеволосую девушку. Она удивленно смотрела на меня. Я же, почувствовав неловкость, извинился. Она улыбнулась, видимо, сразу узнав меня.

–

Вы снова здесь, – спросила она, – вернулись за мной, как и обещали?

–

Да, – сказал я, чтобы не разочаровать ее.

На самом же деле, я солгал.

Она фыркнула и, к моей радости, сказала:

–

Я же вам еще в прошлый раз сказала, что я останусь здесь. Мне здесь очень комфортно.

–

Да я уж вижу, – вырвалось у меня.

Она искоса посмотрела на меня и насупилась. Я извинился и сказал, что я хотел сказать не то и все такое.

– Да, ладно, прощаю, – рассмеялась она, – но все равно, вы зря вернулись.

Я продолжал:

– Нет, не зря, по крайней мере, теперь я могу вас поблагодарить за заколку, которая спасла мне жизнь.

– Ай, – махнула она рукой, – пустяки, я всем ее даю.

Да уж, в сегодняшнюю нашу встречу, она показалась мне слишком раскованной и даже немного вульгарной. Теперь я уже и не понимал, как же я мог увлечься ей в свой прошлый визит. Это было странно, ведь внешне, она совершенно не изменилась. Я вспомнил слова мамы, и подумал, что она специально ведет себя так со мной, чтобы скрыть свои истинные чувства.

«Если, мама, конечно, ничего не перепутала?» – подумал я, – «ведь в противном случае, это означало, что изменился я сам?»

Мне было горестно мое разочарование, хотя, я испытывал к ней теперь противоречивые чувства, которым не суждено было перерасти во что – то более серьезное. Это я понимал совершенно четко, более того, теперь я, наконец, полностью понял, что означают слова: «дважды в одну и ту же воду войти нельзя».

Теперь мне, действительно, хотелось поскорее покинуть этот вагон. И это желание было настолько сильным, что удержать меня не могла даже беседа с моей (как, правда, только что выяснилось, и не только с моей) спасительницей. Я, для приличия, постоял еще пару минут, послушав ее милую болтовню, после чего, сказал, что, раз она не хочет присоединиться ко мне, то я не смею ее к этому принуждать. И более я не намерен злоупотреблять ее вниманием. С этими словами я пошел прочь.

Она же окрикнула меня:

– А вы, действительно, нашли выход?!

Я, не останавливаясь, повернулся к ней и отрицательно покачал головой.

Вот я прошел уже весь вагон и готов был открыть дверь в тамбур, как почувствовал, что кто – то взял меня за плечо и резко развернул к себе. Прямо перед собой я увидел сверкающие глаза «фрица».

– Вы что? – спросил он, – так и хотели уйти, не попрощавшись со мной.

Я остолбенел от неожиданности, и был готов уже к тому, что он снова на меня набросится. Но, слава богу, что мне показалось, что сверкали его глаза на этот раз не от ярости. И, действительно, он сменил гнев на милость, в чем я смог тут же убедиться. Он похлопал меня по плечу и достал из кармана своего пиджака ту самую злополучную кружку, из –за которой гонялся за мной в прошлый раз. Я продолжал стоять, как вкопанный, он же, указывая на эту кружку, сказал:

– Спасибо.

Между тем я начал приходить в себя.

– Пустяки, не стоит благодарности, – ответил я и подумал, что было бы совсем не плохо, мне сейчас извиниться перед ним за то, что я сделал в прошлый раз.

– Я сожалею, – сказал я, – о том, что причинил вам...

– А вот это, действительно, пустяки, – рассмеялся он, не дав мне договорить, и снова похлопал меня по плечу.

– Да, наверное, вы правы, – сказал я, глядя на его свежий и здоровый вид.

На его щеках был даже румянец, поэтому у меня больше не было никаких угрызений совести по этому поводу. Даже напротив. В конце концов, он первым стал тогда на меня нападать, а потом меня так сильно мучили угрызения совести, что его вынужденное убийство причинило мне достаточно неприятностей. А тут, на тебе, вышагивает, как ни в чем не бывало. Прямо «Кашей – Бессмерный», какой – то. Так я думал, глядя на него.

Он как – будто уловил мои мысли и сказал:

– Вы меня тоже извините, за то, что произошло в прошлый раз, ведь я виноват в случившемся не меньше, тем более, что, если бы верх одержал вчера я, то вы никогда не сошли бы уже с этого поезда, а так, у вас еще сохраняется шанс это сделать.

Эти его слова меня, конечно, обрадовали, но, в тот же момент, и немного расстроили. Получалось, что я находился в менее выигрышном положении.

– А почему, тогда вы снова, простите, живы? – полюбопытствовал я.

Он разразился громким хохотом, который был слышен по всему вагону.

– По тому, что я мертвый, – расслышал я его слова среди этого хохота.

Тут открылась дверь купе, которое находилось рядом с тамбуром. И оттуда высунулся тот самый солдат, у которого появились ноги и который дал мне эту кружку, а потом спрыгнул с поезда. У него был заспанный вид, по всему было видно, что его разбудил жуткий хохот «фрица». Он, ничего не говоря, прямо на моих глазах схватил «фрица» за шкурку и втащил его в свое купе. Дверь за ним с шумом закрылась. Я не торопился уходить, понимая, что это еще не финал. Я оказался прав. Через пару минут, дверь снова открылась, и из купе выглянул тот самый солдат. Он широко мне улыбнулся и поманил рукой к себе.

– О, здорово, приятель, – сказал он, когда я сделал шаг ему навстречу, – а я с просони и не узнал тебя, ты уж прости, злой я бываю, когда меня, вдруг, так вот будят. Контузия дает о себе знать.

– Здравствуйте, – ответил я, удивляясь его приподнятому настроению.

По правде сказать, в прошлый раз, он показался мне, хотя и чудаковатым, но немного угрюмым, а теперь, передо мной стоял, ну просто, весельчак какой – то.

– Проходите скорей нам, посидим, поболтаем, – не унимался он.

– Извините, – сказал я, – если только не на долго, я спешу.

– Куда же ты спешишь? – не понимая меня, спросил солдат, – ведь до станции еще далеко.

– А вам, откуда это известно, – спросил я, заходя в их купе.

– Да он же любитель у нас с поездов попрыгать, да побегать туда, сюда, – ехидно захихикал «фриц».

Солдат махнул на него рукой и предложил мне присесть. Я опустился на полку, напротив «фрица». Солдат присел рядом со мной и протянул мне ту самую злополучную кружку, которую взял со стола.

– Зачем? – спросил я.

– Выпей чего – нибудь, – спокойно сказал солдат.

– Чего?

– Чего хочешь, – отвечал он, также спокойно.

– Но она пуста, – возмутился я.

– Пуста, по тому, что ты не решил, чего будешь пить, – хихикнул «фриц».

Я подумал о коньяке, и в тот же момент, кружка наполнилась до краев этим напитком. Теперь до меня дошло, почему тогда так гонялся за мной «фриц». Я сделал глоток. Тепло пробежало по всему моему телу.

– А я был рад тому, что в прошлый раз смог налить в нее холодной воды, то есть использовать не совсем по прямому назначению, я и не знал, что можно просто загадать и кружка сама наполниться любым напитком, – сказал я.

На что солдат, улыбнувшись, сказал:

– Вы ошибаетесь, и сейчас и в прошлый раз, вы использовали эту кружку именно по прямому назначению.

– Это как? – удивился я.

– Откуда в этом поезде взяться воде? – рассмеялся «фриц», – неужели вы думали, что в этом старом ржавом бачке, который находится в начале вагона, и кран которого вы в прошлый раз крутили с таким рвением, есть хоть капля воды.

– Но я точно помню, – начал спорить я.

– Не спорьте, – сказал солдат, – «фриц» прав, здесь давно нет никакой воды, ее выпили, еще за долго, до вас. Вы просто хотели выпить несколько глотков холодной воды, держа в руке кружку, она тут же наполнилась, как сейчас.

Я посмотрел на держащую в руке кружку и понял, что они правы. Я задумался над одним совпадением. То, что происходит на самом деле и то, что нам кажется, неужели эти две вещи так уж часто совпадают в жизни? А тем более на этом поезде. Я сделал еще глоток коньяка, молча, размышляя. Мне становилось совсем тепло и спокойно. Коньяк возымел надо мной свое действие.

Я спросил у солдата:

– Но вы же спрыгнули с поезда, как же вам удалось снова здесь очутиться?

– Вот если бы случилось наоборот, – снова захихикал «фриц», – если бы ему каким – нибудь образом удалось не очутиться снова здесь, вот это было бы, действительно, странно.

– Как же ты мне надоел, – рявкнул на него солдат, потом, повернувшись ко мне, он пояснил, – сколько раз бы я не спрыгивал с этого поезда, стоило мне только на мгновение остановиться, как я тут же оказывался снова в этом вагоне. Представляете? Это как в страшном сне, вроде бы ты просыпаешься посреди ночи от привидевшегося кошмара, думаешь, как же здорово, что проснулся, но, засыпая вновь, тебе снова начинает сниться этот же кошмар.

Я сразу вспомнил, как много раз со мной ночью происходило именно то, что описал сейчас солдат. Мне стало жаль его. Я сказал ему, что если он снова и снова оказывается именно в этом вагоне, значит, именно здесь он должен был что – то сделать, что по каким – то причинам, остается до сих пор не завершенным.

– Да знаю я, – махнул рукой солдат, – еще в сорок втором, я должен был застрелить здесь этого «фрица».

Он замолчал. Оба обитателя этого купе сидели, молча, друг напротив друга. Их взгляды были устремлены в пол. Я решил нарушить это траурное молчание и спросил:

– Но вы не сделали этого, почему?

– Потому, что пожалел его. Да, да, не удивляйтесь, мне стало жаль его, он так хотел жить.

– Я понимаю вас.

– Ничего ты не понимаешь, – накинулся на меня солдат, – даже ты смог убить его вчера, а я, так до сих пор и не могу этого сделать!

Солдат стал размахивать руками, потом, вдруг, вскочил и выбежал из купе. Мы с «фрицем» выбежали вслед за ним. Солдат со всех ног бросился к выходу. И не успели мы опомниться, как он, снова выпрыгнул с этого поезда. «Фриц» спокойно посмотрел на меня и пожал плечами.

– И часто он так? – спросил я.

– Каждый день, – ответил «фриц» и побрел к своему купе.

Я поплелся вслед за ним. Мы дошли до двери. Он предложил мне снова войти, но я отказался, так как обещал маме покинуть этот вагон как можно быстрее. Этому я ему, конечно, не сказал, просто сославшись на отсутствие лишнего времени. Он не стал настаивать и, попрощавшись со мной, скрылся в своем купе. Я же, наконец, выполнил обещание, данное маме, и вошел в тамбур следующего вагона.

Я не знал, что ждало меня здесь, но ожидал я чего угодно, только не встречи нос к носу со своим добрым знакомым, тем самым мужчиной, который дал мне шинель. Он лучезарно улыбался и впервые увидел по настоящему, его белоснежную улыбку. Зеленоватые глаза его переливались на солнце. Было видно, что он рад меня видеть. И эта радость, надо сказать, была взаимной.

– Ну, наконец – то, – сказал он, – я тут уже тебя заждался.

– Если бы я знал, что вы меня здесь ждете, то непременно бы очутился здесь, как можно скорее.

– Ну ладно, – сказал он одобрительно и похлопал меня по плечу, – главное, что ты уже здесь.

– Я так о многом хотел вас спросить, – заговорил я.

– О, не так сразу, – засмеялся он.

– Ну, хотя бы ответьте на один вопрос, – умолял я.

– Ну, хорошо.

– Кто вы?

Он снова рассмеялся.

– Солдат.

– Я серьезно.

– Я тоже. Ну, чтобы тебя утешить, ты можешь задать мне еще один вопрос.

Мне как – то вдруг расхотелось знать еще что – либо, самое главное, что я хотел знать, было именно то, о чем я его спросил. У меня были свои догадки на этот счет, но, я боялся сам себе в них признаться. Я надеялся, что это он сделает за меня. Поэтому, я так опечален был его уклончивым ответом. Все остальные расспросы, после его отказа признаться, были бы не уместны. Я замолчал. Он понял, что я немного расстроился, из – за его ответа и сказал:

– Ты сам в состоянии ответить на свой вопрос, тебе нужно просто немного подумать или еще раз проанализировать все произошедшее с тобой в этом поезде. Большого я сказать тебе не могу.

И этого было для меня более чем достаточно. Я решил, что глупо дуться на этого милого человека, из-за того, что он не хочет говорить мне очевидное, о чем я должен сказать себе сам.

– Извините меня, – сказал я.

– Пустяки, – ответил он, – давай, я лучше расскажу тебе про солдата, который постоянно прыгает с поезда и про «фрица»?

– Да, если про солдата все более ли менее понятно, то почему в этом вагоне едет «фриц», мне совершенно не понятно.

– По тому, что этого солдата убил именно «фриц». Не смотря на то, что солдат пожалел его, «фриц», воспользовавшись его растерянностью, накинулся сзади, и его ручки вцепились в шею солдата. «Фриц» не отпускал их до тех пор, пока солдат не перестал дышать.

– Так они с тех пор и ездят так вместе?

– Вовсе нет, мой друг, «фриц» присоединился к нему когда..., ты уверен, что хочешь знать?

– Уверен.

– Ну, хорошо, ... когда умер. С тех пор они неразлучны, что бы не делали.

– И что, нет никакого выхода?

– Есть, конечно, всегда есть выход, просто люди не всегда его видят..., или хотят видеть.

– Вы знаете, что они должны сделать, чтобы прекратить свои мучения?

– Конечно, знаю.

– И что – же?

– А ты, как думаешь?

Я задумался и ответил:

– Наверное, солдат должен перебороть себя и убить «фрица»?

– Вот видишь, как все просто.

– Ну почему, они этого не понимают?

– По тому, что это касается именно их. Это со стороны хорошо говорить, а когда дело касается нас самих, то очень не просто бывает преодолеть собственные страхи.

Я молчал, так как мне было абсолютно нечего возразить моему доброму знакомому.

– Ты уже многое здесь повидал, – сказал он мне, – а значит, немного иначе стал смотреть на некоторые вещи, научился воспринимать их по другому, не идеализируя, или, наоборот, излишне не очерняя.

– Вы правы, – ответил я, прекрасно понимая, что хочет сказать мне этим мой собеседник.

– Вот видишь, – сказал снова солдат, – никогда не стоит стгоряча что – то обещать или решать, – он улыбнулся мне.

– Это точно, – согласился с ним я.

– Хорошо, что рыжеволосая девушка так и не нашла в себе силы выйти из своего вагона, а иначе... Трудно представить, что могло бы быть иначе.

– Да, я бы чувствовал себя, мягко говоря, очень неудобно, – ответил я, – если бы она пострадала из-за меня.

Мы немного помолчали. Я посмотрел в окно и увидел зеленые деревья. Обрадовался, даже улыбнулся. Солдат разгадал причину моей радости и сказал:

– Теперь всегда будет только лето. Зима была только в предыдущем вагоне.

– Странно, но во второй раз, я совсем не почувствовал холода.

– Это по тому, что ты про него просто напросто забыл.

– Верно, – согласился я.

– Просто у тебя были совершенно другие мысли и четкий план, вот и все, у тебя не было времени отвлекаться по пустякам. Это тебе и сослужило хорошую службу.

– Да, но я там не встретил голубоглазого сумасшедшего мужчины, который искал выход в прошлый раз.

– Осторожно с ярлыками, мой друг, – одернул меня солдат.

Я понял, что допустил оплошность и извинился.

– Да, ничего, просто каждый из нас кому – то может показаться сумасшедшим. В том числе и ты, и я.

– Я об этом как – то не подумал, – признался я, – так почему же я его не встретил?

Солдат спокойно смотрел мне в глаза и ничего не отвечал, давая тем самым мне время для размышления.

– Он нашел выход? – робко спросил я.

– Да, мой друг, он сделал это.

– Вот дела, – удивился я, – выходит, что если бы я держался рядом с ним...

– Да, да, – перебил меня солдат, – сейчас бы вы уже сошли с этого поезда, и, кто знает, может быть, даже попали бы, наконец, на свою встречу.

– Вот тебе и на, – произнес я, понимая, как я был не прав, – а ведь я готов был поручиться, что он сумасшедший, я и не думал, что именно он найдет выход.

Солдат покачивал головой и улыбался.

– Ну почему именно ему удалось найти выход? Чем он отличается, в чем его особенность?

– Ничем он не отличается, просто у него было очень большое желание выйти отсюда. А если очень чего – то хочешь и не останавливаешься ни перед чем, то рано или поздно добьешься своей цели. Так получилось и с ним.

– Правда, лучше рано, чем поздно, – заметил я.

Солдат рассмеялся.

– Я опять сказал лишнее? – спросил я.

– Да, нет, просто ты пока еще прошел только два вагона.

– А для того, чтобы найти выход, сколько вагонов надо пройти?

– Я не могу тебе сказать, это очень индивидуально, некоторым достаточно пройти один вагон, а иные могут легко сбиться со счета, так и не получив результата.

Я немного раскис от его слов. Он закурил свою папиросу, предварительно спросив у меня разрешения. Я удивился тому, что он у меня об этом спрашивает, но он объяснил, что не хотел бы доставить мне неудобство, так как знает, что я не любитель табачного дыма. На самом же деле, я бы и не подумал об этом на этот раз, как, впрочем, и в прошлый, я уже давно перестал обращать внимание на такие мелочи. И мне, надо признаться, даже самому стало от этого легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.